

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

НОЧЬ, БЕЗМОЛВИЕ, ПОКОЙ

ТАМ, ГДЕ
НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева
Ночь, безмолвие, покой
Серия «Детектив по
новым правилам (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18577871

Ночь, безмолвие, покой: Издательство АСТ; М.; 2016

ISBN 978-5-17-094834-5

Аннотация

В детективном агентстве Никиты Старцева застой. Лето. То есть и дела нет, и денег нет, да еще и жена ушла к другому. И вдруг находится сразу два дела, две интересные женщины и много денег. Бизнес-леди Лолу Голдину обвиняют в убийстве. Полное отсутствие алиби, зато целый отряд свидетелей. А жену недавно убитого друга Никиты Алису Хвалюн преследует черная иномарка. Валерка Хвалюн был владельцем ЧОПа и перед смертью занимался установкой сигнализации в квартире помощника Голдиной.

Совпадение? Случайность?

Старцев – слишком опытный сыщик, чтобы верить в случайности, и сразу объединяет оба расследования в одно – страшное, невероятное, с таким логичным началом и непредсказуемым концом...

Книга также издавалась под названием «Фея лжи».

Содержание

1	6
2	20
3	34
4	50
5	65
6	83
7	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Лариса Соболева

Ночь, безмолвие, покой

© Л. Соболева

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Все не так, не так, как он мыслил. При всем при том не разочарование одержало верх, а злость, злость до скрежета зубов от временного бессилия. Но стоило только подумать, что все же своими мозгами сделал расклад, он наполнялся уверенностью.

Вынув обойму, он заменил холостые патроны на боевые, засунул пистолет за пояс и отер пот с лица. Все проделал быстро и не суетливо. И замер.

Ночь, безмолвие, покой... Это теперь не для него, это будет потом, если останется жив, а пожить собрался еще лет эдак пятьдесят, можно больше, он не против. А сейчас минутная пауза нужна на вдох. Решение он принял твердое, но требовалась решимость на первый шаг, после которого его уже никто не остановит. Пауза – мизерная передышка после длительной гонки, гонка подошла к концу, теперь стоит вопрос: кто кого? А началась...

1

Лето – пора дохлая. В смысле работы не валит. Либо невежество преследует, скалясь за спиной, дескать, никуда не по-прешь, пока я не захочу отступить. Либо судьба обленилась, лишний раз не шевельнет своим судьбоносным пальчиком, чтобы облегчить житие подшефного. На данный момент житие состоит из слова «нет». Работы нет, денег нет, жены нет (ушла к другому), перспектив практически нет, настроения нет. Откуда ж ему взяться, настроению, при столь мощном заграждении из нет-нет-нет? Тоска...

Ко всем этим неприятностям Никиту Старцева настиг еще один удар – убили приятеля. Накануне поставили перед фактом: убит, завтра похороны в одиннадцать, на все вопросы – слезы жены Валерки. А ведь оба решили объединить осенью свои фирмы под одной крышей (не бандитской, разумеется), у Валерки – ЧОП, у Никиты – детективное агентство. И вдруг на тебе: всем планам хана!

Раньше, сталкиваясь с ритуалами, на ум не приходила злая мысль, мол, как же мало требуется времени, чтоб закопать человека. Катафалк, автобус, легковые машины, венки, оркестр, дозированные слезы (у многих) – все за какой-то час. Потом опять автобус, дорога... Никита и понять не успел, вникнуть в происходящее, осознать потерю, а уже пора выходить из кафе. Лису жалко, но он не подошел к ней,

рванул за Капустиным на улицу, крикнув:

– Дмитрич, подождите!

Тот приостановился, слегка развернувшись, когда Никита подбежал к нему, продолжил путь к машине, спросив:

– Чего тебе?

– О Валерке хотел спросить, я только вчера вечером узнал... – шел за ним Никита. – Дурацкая смерть. Версии есть?

– Ни одной убедительной.

– Значит, все же есть.

Эдуард Дмитриевич открыл дверцу, сел в авто, замер на минуту, поигрывая ключами, потом поднял маленькие, глубоко посаженные глаза:

– Зайди дня через три... а лучше через недельку, может, что-то прояснится.

Никита постоял немного, глядя вдаль, куда уехал Дмитрич, да на солнцепеке, к тому же подогретому изнутри, долго не выстоишь. Он поторопился в тень, где прохлады не было, но все же хоть какое-то укрытие от палящего солнца. К его радости, подъехала маршрутка, иначе он рухнул бы на тротуар, как забулдыга.

Проспал до вечера, как говорят, без задних ног – абсурдное выражение, по мнению Никиты, как будто у человека есть еще и передние ноги. Проснувшись с тяжестью в теле и голове, он долго входил в реальность, вспомнил утро – захо-

телось выпить, забить спиртным состояние внутренней раз-
рухи. Но Никита относится к тем редким людям, которые
употребляют алкоголь лишь по поводу и категорично отвер-
гают опохмелку. Он закинул руки за голову и лежал, изучая
потолок, мысли крутились в основном пессимистичные или
вообще отсутствовали до тех пор, пока не раздался звонок.
Никита сначала не хотел ни с кем говорить, но, в конце кон-
цов, решил, что это может быть полезный звонок, протянул
руку, нащупал трубку. Голос оказался мужской, незнакомый
и ультимативный:

– Вы Никита Прохорович Старцев?

– Я.

– К вам обратится женщина, не оказывайте ей услуг.

– Что за женщина? Как ее имя?..

Его оставили без ответа, если не считать гудки, которые,
собственно, и были ответом. Нормально, да? Еще никто не
обратился, а уже предупреждение поступило: не смей зара-
батывать бабки! Лучше всего забыть этот звонок навсегда.
Он попробовал переключиться на ящик со всем комфортом,
то есть, лежа на диване, щелкал пультом, меняя каналы, а
сам думал о звонке, в котором изначально заложена интрига.

Стало крайне любопытно, с чем должна обратиться жен-
щина, почему звонил мужчина и выдвинул ультиматум?
Первое, что пришло в голову: жена узнала о проделках мужа,
хочет получить неопровержимые доказательства его невер-
ности. Да, бывает такое, бывает. Да, приходится занимать-

ся грязной работой, только чаще с подобной просьбой обращаются состоятельные мужчины (с седыми головами), имеющие молодых жен и, разумеется, не доверяющие им по понятным причинам. Обычно Никите не жаль ни одну сторону, оба знали, на что шли, пускай теперь пьют ядовитую чашу до конца. Итак, возможно, муж в курсе планов жены и хочет пресечь попытки вывести его на чистую воду. Это один из вариантов. Далее: женщина бизнес-леди, ее цель – найти на партнеров или на конкурентов компромат. Не исключено похищение ребенка, мужа, сестры, брата. А может, все проще, к примеру, ее домогается начальник или у нее незаконно отнимают жилплощадь, а милиция не чешется. У, сколько вариаций возникло на базе единственного загадочного звонка, значит, ворожить бессмысленно. Она придет, раз поступил предупредительный звонок, а он за деньги исполнит любой ее каприз.

Три дня Никита проторчал в офисе один как перст, его сотрудники (всего два) ввиду постоянных трудностей отправились на вольные хлеба. Впрочем, какой офис – две комнатухи в полуразрушенном особняке, за аренду которых скоро нужно платить, а для этого надо мани-мани где-то достать. Но дама за услугами так и не явилась. Странно, потому что звонок не был похож на розыгрыш. Утро четвертого дня Никита начал со стрельбищ, беспощадно убивая компьютерных агрессоров...

– Можно?

Он выглянул из-за монитора – на пороге стояла Лиса.

– Заходи, заходи... – вскочил Никита, поставил стул ближе к столу. – Садись, Лиса. Не ожидал, что ты придешь. Чай будешь? Кофе нет.

– Спасибо, не хочу. И так жарко.

Никита бухнулся на свое место, суетливо отодвинул монитор, чтобы не мешал, и не знал, о чем с ней говорить после всего-то.

Ее зовут Алиса, а Лисой прозвал Валерка, позже имя, не имеющее ничего общего с кличкой, утвердили друзья-знакомые. Собственно, Валерка попал в точку, Лиса огненно-рыжая, с копной густых и непокорных волос. Она вся с ног до головы усыпана веснушками, не размытыми, а крошечными и задорными точками, с которыми долго боролась, да бросила, потому что муж от конопушек балдел. Когда Лиса улыбалась, ее глаза хитро шурились до щелочек, пряча цвет, а они у нее, как горчица (в смысле цвета). Не красавица, но в нее все поголовно влюблялись, ценили гостеприимство, наивность и веселость, всем нравилась ее вкрадчивая интонация, словно она не хотела никого обидеть даже тоном.

– Как ты? – не нашел ничего лучше спросить Никита.

– Как все в подобной ситуации.

Она никогда не жаловалась. Он понимал, насколько трудно ей сейчас, не знал, чем утешить, к тому же после своего дежурного вопроса стал сам себе противен, потому закурил,

опустив голову.

– Никита...

– Да? – с готовностью произнес он. Раз Лиса пришла к нему, значит, ей что-то понадобилось, и он в лепешку ради нее...

– Мне страшно, Никита.

– Понимаю, – закивал он. – Это пройдет. Необходимо время...

– Я не о том... не о Валере... Мне все время страшно.

– Ты боишься оставаться дома одна?

– Нет.

– Что же тогда?

– Только не смейся, это серьезно... За мной следят.

Никита никак не выразил своего изумления. Учитывая те-перешнее состояние Лисы после убийства мужа, может по-мерещиться что угодно. А она прочла его мысли, развол-новалась и раскраснелась, отчего веснушки стали ярче, при всем при том ее голос звучал в извиняющейся тональности:

– Нет-нет, у меня не мания преследования. Поверь, за мной следят. Не знаю, кто и почему, но это не романтически настроенный человек. – Алиса опустила пушистые рыжень-кие ресницы, кусала губы. – Наверное, ты думаешь, после смерти Валеры я тоже должна... хотеть умереть...

– Вот еще глупости, – вставил он.

– Да, да, должна. А я не хочу. Я плохая? – Она вскинула на него потерянные глаза. – Мало любила Валеру, раз не хочу?..

– Лиса, нормальный человек при любых испытаниях стремится жить, а если наоборот, то ему нужен психиатр.

– Спасибо, Никита.

– Но почему ты заговорила о смерти?

– Потому что... я ее слышу... ощущаю... будто автомобиль за мной ездит... а там смерть сидит. Поэтому мне страшно.

– Автомобиль? – насторожился Никита. – Ну-ка, подробней.

– Понимаешь, когда я выхожу из дома, то вижу черный автомобиль, в салоне никого не видно, это меня еще больше пугает. Я иду куда-то или еду и везде его вижу... По логике он не должен появиться там, где очутилась я. Сам подумай, откуда мог узнать водитель, что я буду именно в этом месте? Значит, он ехал за мной, правильно?

Она говорила о том, что понятно только ей и трудноуловимо для тех, кто не в теме. Никита прокрутил в уме ее сумбурные слова и, взвесив, пришел к выводу, что Лиса не способна раздуть из мухи слона, она бы не пришла к нему, будь у нее сомнения.

– Почему ты молчишь? – спросила она.

– Думаю. А когда ты заметила автомобиль?

– На следующий день после убийства Валеры... Я еще не знала, что... потому что его ночью... Валера сказал, чтобы я не ждала его, у него было важное дело... э... с работой связано...

– Что за дело?

– Он же никогда не говорил мне, чем конкретно занимается. Охрана может понадобиться в любое время суток, я и не волновалась. Утром собралась на работу, вышла из подъезда и увидела черный автомобиль.

– И что, он тебе сразу показался страшным? С бухты-барахты?

– Нет, конечно. Я заметила его потому, что он очень дорогой, в наш захудалый двор такие не заезжают. До двух я провела занятия в кружке, затем пешком пошла в Центр развития дошколят, это недалеко от Дома детского творчества. В четыре мне позвонили... В милиции тебя и Валеру знают, нашли мой номер сотового и сообщили... Из Центра я выскочила как ошалевшая, побежала ловить машину. Само собой, очутилась на проезжей части, останавливала подряд все авто, а их там всегда мало. Я пошла прямо по дороге в сторону оживленной улицы, услышала звук мотора сзади, оглянулась – ко мне приближался черный автомобиль. Я подумала, что этот точно не остановится, сделала шаг к тротуару, а он несся прямо на меня, увеличивая скорость. Никита, я едва увернулась, даже не знаю, как это у меня получилось. Он чиркнул колесами по бордюру тротуара и свернул за угол.

Да, серьезные основания для страхов.

– Номер запомнила? – спросил он.

– Мне было не до номера, я спешила в морг... потом все

эти хлопоты... И все время встречался черный автомобиль, но я была не одна... Знаешь, тогда не пришло в голову, что меня выслеживают. Все закончилось, я имею в виду с Валерой... А вчера вечером меня позвала подруга, я подумала: чего сидеть в четырех стенах? Вышла из дома, по привычке осмотрелась, а было уже темно... В уме отметила: стоит. Просто отметилось, и ничего больше. Ну, сердце беспокойно застучало... Подруга живет недалеко, минут десять идти... Никита, на меня снова наехали.

Какие основания не верить ей? Никаких. Но в чем причина? Кому мешает молоденькая женщина, которая учит детвору вязать, плести макраме и вышивать? Значит, причина в Валерке, то есть пытаются убрать предположительную свидетельницу, следовательно, думают, что Лиса в курсе его дел. А он куда влез? В основном его деятельность – установка сигнализаций, ну, случалось, заказывали охранять объект либо отдельных личностей, опасующихся пули из-за угла. За это не казнят.

– Как наехали? – очнулся от вычислений Никита.

– Прямо на тротуар, – сказала Алиса. – Я шла вдоль дома подруги, никого поблизости не было, свернула за угол, и тут... сзади рев... Я не оглянулась, меня будто кто-то толкнул вперед, я понеслась вдоль торца дома, к счастью, он короткий. Забежала во двор, а тот же автомобиль проехал в метре от меня. Остановился.

– Ты рассмотрела, кто был за рулем?

– Нет, стекла черные.

– Тонированные, – поправил он. – Ну, остановился. И никто не вышел из машины?

– Не знаю. Я что было сил побежала в подъезд, ночевала у подруги, потом она привезла меня к тебе. Никита, и в первый раз на меня наехал этот же автомобиль, поверь.

– Какая марка машины? – Алиса виновато пожала плечами. – Ясно... А по каким признакам ты определила, что это тот же автомобиль, который был в твоём дворе, а не другой?

Алиса сдвинула брови и несколько секунд думала, наверное, вспоминала приметы, да так и не вспомнила:

– Не знаю, как объяснить... Я чувствую его. Едут машины, такие же черные и такой же формы, но у меня они не вызывают беспокойства, тем более страха. А когда появляется этот автомобиль, я неосознанно беспокоюсь, все во мне замирает, я перестаю подчиняться себе. Позже думаю: на номер надо было посмотреть... Никита, прости, не умею объяснить, но все, что я говорю, правда.

Он загасил сигарету, встал:

– Поехали.

– Куда?

– К тебе. Если ты не против, я осмотрю вещи Валерки, бумаги... Кстати, милиция рылась в квартире?

– Нет. Меня просили, если найду что-нибудь необъяснимое, принести им. – Алиса встала. – Никита, подожди...

Он уже был у двери, вернулся, так как она не двигалась:

– Что еще?

Алиса порылась в сумочке, вытащила небольшой запечатанный конверт и протянула ему:

– Это тебе. Он лежал в кухонном шкафу под бумажными салфетками, я нашла его только вчера. А сегодня заехала за ним... с подругой.

Надпись: «Нику». Ясно, что от Валерки. Никита вскрыл конверт, взяв за кончик сложенный лист, встряхнул его, развернув, и прочел:

«Ник, извини за глупую записку, надеюсь, ты не прочтешь ее. А если читаешь, то я был большим дураком. Извини, тороплюсь. На тот случай, если ты все же читаешь: возьми ЧОП в свои руки, проблем не будет, я позаботился. Лису не бросай. Вернусь, все расскажу и повинюсь. Я козел. Валера».

Вернется! Ну, не чудак на букву «м»? Написать предсмертную записку и ни одного намека не сделать, куда залез! Козел – никто не спорит!

– Что там? – робко спросила Алиса.

– А? – встрепенулся Никита, сложил записку, сунул в нагрудный карман, придумывая удобоваримый ответ. Сказал почти правду: – Это по поводу нашего объединения. Не существенно.

– А почему письмо лежало в кухонном шкафу, а не на виду? – Ее не проведешь. – И под салфетками? Мне кажется, Валера его спрятал.

– Он должен был отдать мне раньше, там перечень доку-

ментов, которые надо подготовить, да забыл. Письмо дошло с большим опозданием, документы я подготовил под чутким руководством твоего мужа. Идем?

И распахнул перед ней дверь. Она прошествовала к выходу, кстати, поступь у нее тоже лисья – грациозная, вкрадчивая. В то же время не проходит ощущение, что Алиса внезапно помчится куда-то за добычей или вдруг сделает прыжок... конечно, ничего такого не случается.

– Странно, Валера ничего не забывал, – пробубнила она под нос.

– Лиса, каждый человек время от времени что-то забывает, – возразил Никита, поворачивая ключ в замке. – Забывчивость готовит организм к старости, то есть к склерозу и маразму.

– Но письмо ты мне не показал, – подловила его она. – Если там всего лишь список документов, почему не показал?

– Выходи. – Никита подбородком указал на следующую дверь, досадуя на въедливость Лисы и решив: будет тянуть лапки к письму, он устроит ей маленький скандал, чтобы знала свое место.

Алиса чуткая, уловила, что Никита вот-вот сорвется, поэтому не приставала, а села в «пятерку», оглядываясь по сторонам.

– Не видишь страшного черного автомобиля? – шутливо спросил Никита.

– Это не смешно.

– Прости.

Мчась по улицам, он прикинул процентное соотношение реальности и разбушевавшейся фантазии в рассказе Лисы. Допустим, больше половины приходится на фантазии, но куда деться от меньшей части? Вторая сторона: если кто-то решил сделать Лису трупом, то свое желание он осуществит. В связи с этим напрашивается вопрос: почему до сих пор ее не убили? Ответ: выбирали декорацию без массовки, а Лиса увернулась целых два раза (фортуна ей помогла), но от наемника не уйти, он достанет в подъезде, во дворе, выстрелит с крыши. Следующий логический вопрос: почему не стреляет, а давит колесами? Неопытный? Или вообще не киллер, а тот, кто непосредственно опасается Лисы, то есть убийца Валерки? Следовательно, чтобы спасти (пардон, за выпретенное слово) Лису, придется заняться поисками убийцы ее мужа, между прочим, друга.

М-да, друга... А ведь Никите не пришла мысль, когда узнал, что Валерка убит, – мол, убийцу найду и страшно покараю. Почему? Вероятно, отсутствие реакции кроется в простейших причинах: лень, пофигизм, «своя рубашка...» и в прочих чертах современного индивидуалиста. Когда это доходит, непременно хочется возразить: нет, я не такой, я во сто крат лучше. А ведь если без лукавства, то такой, такой. Никита очутился перед дилеммой: как поступить? Доказать себе, что он не пассивный обыватель, значит, взять

под свое крыло Алису, что чревато смертельными последствиями? Или тихонько слинять, ничего не объясняя?

Не слинял. И не жалеет. Не жалеет потому, что, как сейчас он догадывается, было бы во сто крат хуже, если бы вовремя не влез в это дело. Поэтому еще не выиграл, но уже не проиграл. Пока не проиграл, но на грани проигрыша. И грань настолько тонкая, что удержаться на ней весьма проблематично, просто не за что держаться, опоры нет, потому решимость в постоянном колебании.

Никита еще не сделал вдоха, знаменующего готовность, он как будто что-то упустил... Нож. Да, нож не помешает, человек вооружен до зубов – значит, защищен. Охотничий нож деда здоровый – куда бы его деть? Никита переобулся в высокие ботинки, за голенище сунул нож. Кажется, все...

У двери он вернулся – запасную обойму взял. А, черт, возвращаться – плохая примета. В зеркало надо посмотреться. Не суеверный, но все же в прихожей глянул на себя в зеркало. Ну и образина, узнать трудно. Оттого что не брился. И не спал нормально. Выспится. Придет время, и выспится, надо верить, с верой приходит успех. Вдох... и Никита вышел на площадку. Ступеньки...

2

Начал он с гаража, обычно там прячут все, что не должно попасть в посторонние руки, вплоть до писем любовницы, но это к слову, так сказать, Валерка был верен своей Лисе. После гаража Никита обыскал все углы в однокомнатной квартире, Алиса все это время стояла в сторонке, она умеет молчать в отличие от представительниц своего болтливового племени. Никита перерыл все бумаги Валерки, перевернул кухню, сел покурить, только тогда Алиса поинтересовалась:

– Что ты искал?

– Что-нибудь, – сказал он чистейшую правду.

– Это «что-нибудь» должно быть как-то связано с тем, что Валеру убили?

– Да, – не соврал Никита. – Скажи, он вообще ничего не говорил о своих делах, чем занимался?

– Я тебя покормлю, ты весь день провозился.

Алиса достала из холодильника кастрюльку, поставила на огонь, нарезала колбасу, сыр, хлеб, поставила две тарелки и бутылку водки. Она сама разлила, перед этим поинтересовавшись:

– Или ты не будешь?

– Буду. Ночью не остановят и не обнюхают, некому.

Лиса лишь пригубила, помянув мужа, затем облокотилась о стол и, не притрагиваясь к еде, вернулась к вопросу Ники-

ты:

– Последнее время он пропадал не только днями, но и ночами. Какая-то левая работа у него появилась, говорил, обещали прилично заплатить, а Валера мечтал поменять машину на импортную. Ты поспрашивай ребят в ЧОПе, они должны знать хотя бы примерно, что за работу выполнял Валера.

Голодный Никита уплетал все подряд, что было на столе, попутно думал, не надеясь на ребят из ЧОПа, где искать концы Валеркиного «левака». Если он влез в опасное и, судя по всему, незаконное предприятие, то вряд ли раструбил об этом подчиненным, зная, что в случае неудачи каждый может сдать его той же милиции.

– Пспрашиваю, – пообещал он Лисе.

– Ты сможешь мне?

Он поднял на нее глаза и про себя усмехнулся, собственно, посмеивался над собой же. Одно время Никита тоже увлекся Лисой, и, если бы она захотела, он переспал бы с ней, несмотря на большую дружбу с Валеркой. Подло? Нет-нет, его желание было продиктовано элементарным любопытством: какие в Лисе сокрыты тайны, зачаровавшие Валерку? Не переспал, она мягко дала понять, что не собирается обманывать мужа, хотя Никита относится к мужчинам, которые без особого напряжения уламывают женщин, да и по сравнению с другом он просто Бандерас. Но Лиса сказала «нет». Между прочим, он обиделся. И вот сейчас настал удобный момент: она одна, ей страшно и необходимо участие

вплоть до снятия стресса в постели, а где же прежний азарт? В чем дело-то? Ага, в Валерке! Друга не стало, и жажда изучить Лису пропала. Значит, не влюбленность руководила им, а желание самоутвердиться, доказать, что равных ему нет и не будет. Короче, остается признать, что он дерьмо. Валерка козел, а он дерьмо. В этом состоянии полного разочарования в себе Никита произнес:

– Помогу, раз ты обратилась ко мне...

И замер, перестав жевать, не договорив фразу до конца.

– Что с тобой? – спросила озабоченно Алиса, дотронувшись до его руки.

Никита тут же убрал руку, чтобы не прельститься другой идеей, не менее гнусной, чем в недавнем прошлом, когда соблазнял жену друга. Потянуло на новые доказательства: мол, я не дерьмо, Лиса мне нужна на долгие времена... Вранье! Главное, кому вознамерился доказывать, себе? Больше-то некому. А это означает, с ним что-то не так, пора разобраться, но сейчас некогда. Сейчас звучало в ушах слово «обратилась»...

– Черт, забыл... – сказал он, поднимаясь. – У меня встреча... Извини, пойду. Да, Лиса, не выходи из квартиры ни при каких обстоятельствах.

– А как же работа?

– Напиши заявление на отпуск за свой счет, завтра отве- зу. Думаю, на твоих работах поймут. И никому не открывай дверь.

– Хорошо, – прощая его, пообещала она.

В прихожей он взял картонную коробку, куда сложил Валеркины диски и аудиокассеты, спросив разрешения:

– Я заберу? Хочу дома посмотреть и прослушать, может, найду то, что как-то объяснит убийство Валерки. Все верну в сохранности.

– Бери, – не возражала она.

– Дай денег, буду привозить тебе необходимое...

– Я все потратила, еще и должна.

– Ладно, что-нибудь придумаю. Пока.

Утро началось с попрошайничества, Никита звонил приятелям и просил займы, в общем, докатился до ручки. Деньги нашел, поехал за ними, но это не столь существенная проблема, она хотя бы решаема. По-настоящему он был обеспокоен вчера и сегодня другим – обратилась, обратится... Чем бы Никита ни занимался, а лейтмотивом звучал голос из трубки: «К вам обратится женщина, не оказывайте ей услуг».

Итак, женщина обратилась. Выходит, звонил тот, кто вознамерился отправить Лису вслед за мужем? Не иначе. Но услуги оказывают за деньги, а Лиса и услуги вместе с деньгами несовместимы, впрочем, какая разница, что он сказал? Звонивший предупредил: не вмешивайся. По всем признакам это угроза. Минус в данной ситуации в том, что этот человек знает, кто изъявит желание помочь жене друга, а Никита понятия не имеет, кто он такой и где его искать. Веро-

ятно, звонивший тип уже в курсе, что Лиса провела с Никитой весь день, хотя во дворе таинственного черного автомобиля не было. Теперь, как ни таись во время поисков концов, как ни выкручивайся, изображая, будто не занимаешься убийством Валерки, а ты у него на виду, словно декоративная рыбка в аквариуме. Скверное положение.

В ЧОПе его ждали, что явилось неожиданностью для Никиты. Попав в кабинет Валерки уже на правах хозяина, а не гостя, выслушал помощника, выкладывающего связки ключей на стол:

– От сейфа, эти от ящиков стола, эти от входных дверей. Печать. Поступило три заказа на установку сигнализаций, один заказ на охрану частного дома – хозяева уезжают отдыхать на месяц. Понадобится три человека на сутки, можно, конечно, и по двенадцать часов дежурить...

– Давай так, Петя... – прервал его Никита, зажав кончиками пальцев переносицу. Чувствовал он себя отвратно, спал ведь плохо, проклятый голос из трубки постоянно будил, разумеется, во сне. – Заказами занимаешься ты, а я пока буду входить... в курс дела. Мне еще со своим агентством покончить надо. Документы где?

– В сейфе. Я пошел?

– Подожди. Милиция делала обыск?

– Поверхностный. У нас же все стерильно, Валеру знают, нас тоже. Ну, опросили ребят, посмотрели помещения, ком-

пьютер, стол. В сейф не лезли, я сказал, ключа нет, мол, попробую найти, тогда и посмотрят. Короче, они все оставили как есть, печатывать ничего не стали. Я подумал, тебя дождемся, а ты уж сам решай, чего и кому смотреть, правильно?

– Ты молоток. Нечего им по чужим сейфам шарить. А Валера предупреждал тебя, что я вместо него буду?

– Не то чтобы предупреждал, но за неделю до убийства документы показал, сказал, ты второй после него, значит, теперь первый.

– А чем занимался Валерка последнее время?

– У него был серьезный частный заказ...

– Какой-то? Значит, не знаешь. А кто-нибудь из ребят имеет представление о серьезном заказе?

Петя пожал плечами, развел руками:

– Не знаю. Как я понял, он с фирмачами работал, пару раз за ним заезжали на солидных тачках. Иногда по несколько дней в ЧОПе не появлялся.

– Номера тачек не запомнили?

– Я спрашивал, никто не думал, что понадобится.

– Ладно, иди.

Оставшись один, Никита насупился. Судя по всему, Валерка подвизался как частный детектив, а обещал подбрасывать работу ему, тем более что расследования не его конек. Не его точно, что и подтвердилось – где он теперь? Как же тут не скажешь вслух: «– Сукин сын».

Копаясь в сейфе, Никита среди стопок бумаг обнаружил папку с документами, ее положил на стол. Далее нашел газетный сверток, развернул, там оказалась пачка тысячных купюр, перетянутых резинкой. И ключ. Что за ключ, от какой двери? Диск без надписи, некоторые подписывают вкладыш, но и на нем только фирменные знаки. Раз Валерка хранил диск в сейфе, значит, он ему был нужен, Никита положил его на папку. Спичечный коробок – это еще зачем? Валерка сроду спичками не пользовался, он же не курил. Никита хотел выбросить коробок в корзину для бумаг, но внутри что-то стукнулось о стенки, явно не спички. Открыв коробок, Никита поднял брови: серьга. В оправе из белого металла «сидел» зеленый камешек прямоугольной формы, примерно с каплю величиной. Под ним сиял бесцветный камешек, более мелкие расположились вокруг зеленого камня на овальном обруче. Второй серьги не было в коробке, Никита перерыл сейф, но пары так и не нашел.

Он опустился в кресло, повертел в руках пачку купюр. Наверняка эти деньги принадлежали Валерке, а не общаку, иначе зачем их хранить завернутыми в газету и в укромном уголке сейфа?

Никита раскрыл папку, перебрал документы. Ну, да, да, все правильно. Валерка взял на себя оформление документов, дело это чрезвычайно хлопотное и тяготящее, а Никита в то время был занят по горло. В редких случаях, когда это было необходимо, друг возил его по инстанциям подписы-

вать бумаги, разумеется, им помогал юрист. Остались формальности, которые должны были уладиться к осени. Значит, последний этап прошел раньше без сучка и задоринки, только Никите Валерка об этом почему-то не сообщил. Некогда было? Но они же перезванивались... впрочем, редко. И на том спасибо: Никита теперь при деле на законных основаниях. Что дальше? Лиса...

– Написала заявление на отпуск? – спросил он, едва она открыла дверь.

– Да, – коротко ответила Алиса. – Проходи. Есть хочешь?

– Хочу. Кстати, сколько ты должна?

– Пятнадцать тысяч. Ума не приложу, где взять...

– И не прикладывай, – усаживаясь на кухне, сказал он, достал деньги, отсчитал и положил на стол. – Здесь двадцать штук, отдашь долг, остальное – на мелкие расходы. Сама не относи, скажи, что болеешь, депрессия... ну, придумай. Пусть за долгами к тебе едут.

– Спасибо... – чуть не заплакала Алиса.

– Не благодари, это Валеркины бабки, в сейфе нашел.

– Ты теперь будешь вместо Валеры?

– М-да, вместо, – произнес он отстраненно, вдруг встрепенулся, вспомнив: – Лиса, посмотри на это... – Никита достал серьгу из нагрудного кармана рубашки, положил на стол. – Твоя?

Она даже не дотронулась до сережки, только наклонила

голову набок, рассматривая, и почти сразу дала ответ:

– Не моя. Где взял?

– Нашел.

– Тоже в сейфе? – подозрительно прищурила она глаза.

– Там. В спичечном коробке лежала.

– А где вторая?

– Второй не было, я весь сейф перерыл.

– Зачем Валера держал одну сережку? – недоумевала Алиса. – Почему в спичечном коробке?

Никита понял, куда она клонила, – измена! А измена и после смерти изменщика приносит боль и разочарование, он поспешил ее успокоить:

– Не дуй губы напрасно. В спичечном коробке, к тому же в рабочем сейфе не хранят память о женщине, слишком неподходящее место. Это, Лиса, либо улика, либо вещественное доказательство, либо еще что. Нашел на улице, например. Да, вот так: шел-шел и нашел. А хранил, надеясь отдать хозяйке. Кстати, денег там было значительно больше, но мне они понадобятся, чтобы выяснить, кто на тебя устроил охоту и почему. Я на нуле. Надеюсь, ты не в обиде?

– Я не в обиде.

Она живо накрыла на стол, Никита уплетал котлеты с гречневой кашей, он, как всегда, не успел поесть, за весь день выпил цистерну кофе и слопал одну булку с повидлом. Алиса сидела напротив в задумчивой позе, подперев подбородок кулачком, не притронувшись к еде. Он забеспокоился:

– Ты хоть что-нибудь ешь или воздухом питаешься?

– Ем. Знаешь, Ник, я все время думаю, почему его нашли голым?

– В трусах, – внес уточнение Никита, подняв указательный палец. – Одежда лежала рядом...

– Я знаю, – перебила Алиса. – Но почему?

– Раз его нашли на берегу почти голым, то, следуя логике, смею предположить: он решил освежиться, поэтому разделся. В одежде купаться не принято, да и неудобно, хотя... надо попробовать, может, понравится быть мокрым в жару.

– Издеваешься, – констатировала она.

– Шучу. Лиса, умерь свои фантазии, иначе до добра они тебя не доведут, сдвинешься.

Она кивнула, как будто бы согласившись, Никита продолжил ужин, но вдруг новый вопрос поставил его в тупик:

– Почему он очутился на диком пляже ночью?

– Вот этого я не знаю. И предположений у меня нет.

– Его ударили ножом в живот, а следов насилия нет. Он что, не сопротивлялся? Не видел и не слышал, что к нему подкрадывается убийца?

– Если заснул после купания, то, думаю, не слышал и не видел.

– И машина стояла в городе. Как он туда добрался? Мне все это кажется странным.

– Мне тоже.

– Видишь ли, Никита, последнее время Валера казался

мне не совсем здоровым. Мы почти не общались даже тогда, когда он бывал дома. Но если бывал... то вдруг задумается и ничего не видит вокруг, то ходит-ходит, потом рассмеется... рисовал какие-то схемы... Наверное, это называется одержимостью.

– Что за схемы? Ты случайно не сохранила?

– Не думала, что пригодится. Жаль. Надо было раньше к тебе прийти, может, ты помог бы ему.

Никита сжал ее руку повыше кисти, этим ободряющим жестом дал понять, что сделает все возможное, что не позволит убить Лису. А сам сомневался. И в себе, и в Валерке, и ва-аще... У него тоже были вопросы. Почему Валерка ни слова не сказал ему, своему другу, о левой работе, тем более когда почуял смертельную опасность? Понадеялся на себя или не хотел делиться бабками? Почему вообще никому не сказал, чем занимается, не дал ориентиров на тот случай, если погибнет? Во что он вляпался? Убивают в критической ситуации, значит, залез туда, куда не следовало совать носа. Не покойнику же задавать эти вопросы. И не Лисе.

– Белое золото, – сказал ювелир на следующий день, осмотрев сережку. – Центральный камень изумруд, а бесцветные камешки бриллианты. Вещица дорогая, качество камней на поверхностный взгляд превосходное. Хотите продать?

– Нет-нет, – отказался Никита, забирая серьгу. – Я только

хотел выяснить, насколько она ценная. Спасибо.

Ну и что с этой ценностью делать?

Никита заправил машину бензином, помчался в контору. Ну, теперь переезд займет массу времени, выехать надо быстрее и поставить перед фактом хозяйку, которой он платил за аренду, в самый последний момент. А то не избежит воплей: вы меня должны были за месяц предупредить, я и так делала вам поблажки, вы не оценили, бесчестный, подлый, наглый. Ну и пусть он такой, плевать. Сообщит по телефону, где оставил ключи, а в разгар визга бросит трубку.

Диск, который выудил из сейфа, поставил в дисковод компьютера... О, какое разочарование! Надеялся, это компромат – запись диалога, или видеосъемка, или схема передвижения денег по счетам и странам, а то и руководство по использованию ядерного оружия, как в кино. Да, фантазия у него буйная. А на диске музыка. Он сначала услышал робкую барабанную дробь, потом на фоне барабанов вступила дудка... Ну, музыка так музыка, пускай звучит. Никита начал собирать пожитки и бумаги, заодно уничтожая ненужное. А мелодия на слуху, к тому же впечатляет нарастающим напряжением...

– Эй, выключите музыку! – донеслось до ушей.

Никита сидел на корточках, выгребая содержимое из ящиков, пришлось привстать, чтобы посмотреть, кто вторгся в его контору без стука, хотя, может быть, он не расслышал, когда стучали. Как только его глаза очутились над поверх-

ностью стола, Никита чуть не упал на пятую точку, произвольно открыв рот. К женскому полу он очень равнодушен, красивых баб имел без счета, но все они поблекли перед этой. Дива, не меньше, посетила его убогую контору. Первое, что бросилось в глаза, – грудь, живот, талия, задрапированные в бирюзовую ткань, но точно повторяющую изгибы фигуры. Уф, какие аппетитные формы – комок застрял в горле! Во вторую очередь он остановил алчный взгляд на шее, на слегка выступающих ключицах, практически оголенных плечах – отпадные. В третью очередь в обзор попала голова. Светлая шатенка, волосы небрежно заколоты, брови дугой, глаза как сливы и ярко накрашены, рот красный. Не хватало малой толики, чтобы эта художественная роспись перешла в вульгарность, но все выдержано в пределах нормы. Единственное, что портило неземную красоту, – выражение личика. Ну, просто мегера в миг раздражения.

– Выключите музыку, – повторила она интонацией сто-процентной стервы, привыкшей к беспрекословному повиновению.

Идя к машине, он закурил – это последняя сигарета перед стартом. Руки немного подрагивали, не от страха ли? Нет, от волнения. Волнение говорит о напряжении, а ему сейчас необходимы полнейшее спокойствие, хладнокровие, выдержка. От этого зависит реакция, умение сообразить быстро и принимать решение в доли секунды. От этого зависит

*жизнь, не только его жизнь. А может, второй жизни уже нет, осталась лишь его? Черные мысли – прочь! Это по-
меха, подтачивающая уверенность, дающая лазейку слабости. Если ему позвонили один раз, позвонят и второй, а значит, не все потеряно. Но он найдет их раньше и справится. Сам.*

Никита открыл машину, сел за руль. Еще пара затяжек – и сигарета полетела в темноту, отбрасывая искры. Теперь пора определить точный маршрут, потому что Никита не знает, куда ехать. Думал об этом, пока собирался, но не определился. А времени на раздумывание нет... Ну, разве что еще минута... одна минута...

3

Никита отключил музыку, осведомился:

– Вы к кому?

Будто тут работает по меньшей мере пятьдесят человек.

– Мне нужен частный детектив Никита Старцев, – надменно, как ему показалось, сказала дива.

– Это я, – изобразил он скромный поклон головой, ударившись лбом о край стола.

Не впечатлил – обидно. Чтобы произвести на нее неотражимое впечатление, Никита выпрямился во весь рост, ведь поглядеть есть на что. Дива несколько секунд рассматривала его с тоской в глазах (!), после чего обвела взглядом разруху в кабинете, брезгливо покривив губы.

– Извините за беспорядок, мы переезжаем, – оправдался Никита. Взял стул, подставил его к столу и пригласил диву: – Прошу вас...

Она уверенно прошла к стулу, обдав хозяина разрухи ароматом дорогих духов, уселась, закинув ногу на ногу и бросив в него строгий взгляд, означавший: чего стоишь, дурень? «Ноги у нее что надо», – отметил про себя Никита, занимая место напротив красивой мегеры, вслух сказал:

– Слушаю вас. Кстати, почему вы решили обратиться ко мне?

– А у нас в городе десять детективных агентств? – насмеш-

ливо произнесла она. – Разумеется, вас рекомендовали.

– Кто, если не секрет?

– Некий Хвалюн... Вам что-нибудь говорит эта фамилия? Валерка? Очень интересно. Никита подался всем корпусом к ней, облокотившись на стол, приготовился слушать любую туфту:

– Некий? Вы знакомы с ним?

– В глаза не видела. Его фирма устанавливала в квартире моего помощника сигнализацию, а этот Хвалюн лично проверял. Когда у меня возникли проблемы, мой пресс-секретарь позвонил ему. Согласитесь, кто лучше шефа охранного агентства знает, к кому обратиться? Станислав, так зовут моего пресс-секретаря, кратко изложил ему, в чем суть, этот Хвалюн предложил свою кандидатуру, они договорились о встрече. Мы прождали в кафе полтора часа, но он не пришел. Я была в бешенстве. Через пару часов этот Хвалюн (почему-то она перед фамилией Валерки ставила «этот», что звучало уничижительно) перезвонил Стасу, извинился и сказал, что крайне занят, тогда-то и назвал ваше имя и адрес. Представьте, его даже сумма гонорара не прельстила, а Стас посулил ему хорошие деньги! Он утверждал, что только вы справитесь с моим делом. Я приезжаю к вам и не могу застать. Кстати, телефон этого Хвалюна тоже не отвечает.

Вот удивительно, она не отчитывала, говорила спокойно, но с ее стороны чувствовался мощный прессинг, мол, попробуй только после моих мытарств откажись, в порошок тебя

сотру.

– Я работал с клиентом, очень сложный случай, – солгал он, одновременно повышая свой престиж. Однако как тесен мир, все друг на друге завязаны!

– В таком случае следовало хотя бы оставить секретаршу.

Где ж ее взять, секретаршу-то? И тут он нашелся:

– Она помогала мне. Простите, как вас зовут?

– Зовите меня просто Лола.

– Так что у вас за дело, Лола?

– Меня обвиняют в убийстве.

Ничего себе! С убийствами еще никто не обращался, впрочем, лиха беда начало. Никита понимающе покивал, но уточнил:

– Обвиняют или подозревают?

– Это не одно и то же? – обнаружила Лола полную дремучесть в данном вопросе.

– Разные понятия. Если вас обвиняют, то вы должны сидеть в следственном изоляторе, а если подозревают...

– За меня внесли залог. Огромные деньги, мне их жалко, а время идет.

– Значит, подозревают. Итак, кого убили, когда?

– У вас курят?

– Да, пожалуйста.

Никита пододвинул пепельницу ближе к клиентке, щелкнул зажигалкой, дав ей прикурить, закурил сам, изучая сексапильную дамочку напротив. Надо признать, пребывание за

колючей проволокой не для нее, нет-нет. Она и не убьет никогда, но не потому, что не способна убить, а потому, что не захочет потерять благополучие, которым окутана.

– У меня был друг, – начала Лола сухо. – Он из хорошей семьи, успешный... Полтора месяца назад его застрелили неподалеку от ресторана «Ракушка», это на берегу. Свидетели утверждают, будто он был со мной, будто бы мы ссорились, а я в тот день, соответственно и вечер, вообще не виделась с ним.

– У вас есть алиби?

– Ну, такое... – покрутила она растопыренными пальцами с аккуратными длинными ноготками. О, эти пальчики явно не моют посуду и не готовят обед. – Не слишком убедительное для следствия.

– Алиби либо есть, либо его нету, по-другому не бывает, – заметил Никита. – А где вы находились в момент убийства?

– Далеко от города. На даче. Подтвердить это может только наша сторожиха, к сожалению, она выпивает, поэтому ей не очень-то верят.

– Все же верят?

– Наполовину. Но это еще полбеды. Меня опознали свидетели – официанты, вышибала, администратор. Они утверждают, будто в ресторане с Вишневым была я. Поэтому мне нужен толковый человек, который бы разобрался во всем этом кошмаре и нашел убийцу.

– Я подумаю. – Только дурак или лентяй отказывается от

заработка, но Никита предпринял тактический ход, набивая цену тем, что не согласился сразу.

– Вы понимаете, в каком я положении? Под ударом мое имя, будущее, свобода, – давила на совесть Лола. Нашла на что давить, в современном мире совесть – атавизм.

– Конечно, понимаю, – сказал он.

– Я оплачу ваши услуги. Сколько вы стоите?

Услуги... «Не оказывайте ей услуг», – вспомнил он звонок. Забавный вираж: еще одна женщина обратилась к нему за помощью. Кого же имел в виду звонивший тип – Лису или Лолу?

– Мне надо подумать, – твердо сказал Никита. – Но если я соглашусь, дайте слово, что расскажете правду, какая б она ни была.

От кого требует правды – от женщины? Наивный! На этот раз она подалась к нему, облокотилась о стол, отчего приподнялось кругленькое плечико, Лола уперлась в него подбородком и буквально гипнотизировала Никиту:

– Думаете, я не хочу знать правду? Мне вовсе не улыбается сесть в тюрьму за чужое преступление. Я заплачу втрое больше, чем вы обычно берете.

Странный способ уговаривать человека выручить из беды – не просьба, а, скорее, диктат...

– Заметано, – согласился он. – Но понадобятся деньги на текущие расходы, на подкуп информаторов, я должен выяснить, что думает следствие, а это очень сложно, сами пони-

маете...

– И на текущие получите. – Лола достала внушительную пачку тысячных купюр, положила на стол. – Сто тысяч на первое время вам хватит?

О-го-го! Видно, ее здорово приперло. Никита утвердительно закивал, кинул пачку в стол и приготовился писать:

– Кого застрелили? Имя, фамилия, возраст, род деятельности?

Лола закурила вторую сигарету, невольно взгляд Никиты приковался к ней. В отличие от многих людей ему нравилось, когда женщина курит, конечно, если она не пьянь подзаборная, а нормальная. Но Лола ни в какое сравнение не шла ни с одной известной ему женщиной, ее манера держать сигарету в прямых пальцах, подносить к влажным губам, вдыхать и выдыхать дым – все это она проделывала с особенным шармом, наверное, присущим только ей. Он вспомнил, что надо записать ее информацию.

– Вишневский Георгий Романович, – диктовала она. – Было ему тридцать три года... У меня с собой фотография, показать?

– Покажите.

Никита впился глазами в снимок, ведь интересно, что за личность может прельстить эдакую сногшибательную диву. По большому счету в Вишневском он не нашел ничего особо примечательного, разве что в волевом подбородке, колючих глазах и упрямых губах чувствовалась брутальность.

– Я оставлю фото? – спросил он. – Возможно, пригодится.

– Оставьте. А род деятельности... вместе с отцом они занимались поставками леса. Бревна, доски... Меня не интересовал их бизнес, со своим бы управиться.

– Простите мое любопытство, а что у вас за бизнес?

– Нефть, мазут... тоже поставки, – скромно поведала она, словно занималась производством конфет.

Никита присвистнул в знак восхищения. Нет, только представить: шикарная женщина, созданная для любви и роскоши, считает цистерны с нефтью! Другая картина, предоставленная богатым воображением Никиты, вызвала улыбку у него: Лола стоит над бочкой с мазутом и окунает в вязкую жижу пальчик с маникюром – нонсенс!

– Бизнес принадлежит моему отцу, – продолжала она, – а я помогаю ему. Конечно, у меня есть своя доля. У нас дочерняя фирма, мы имеем несколько таких фирм по всей стране... Не думаю, что это интересно вам.

И с такими офигенными бабками она не смогла откупиться? Хотя истина дороже. Зачем ей пятно убийцы на всю жизнь? Знакомые время от времени обязательно будут говорить за ее спиной: «Вы знаете, Лола убила бойфренда, но выкрутилась, с ее средствами это запросто». Нет, ей нужны доказательства невиновности. Ко всему прочему, откупиться наверняка не так-то легко, если учесть, что папа Вишневский на бревнах и с досками под мышками тоже делает нехилые бабки и, без сомнения, требует пожизненного заключе-

ния для нее (не меньше), а требование подкрепляет внушительным гонораром. Во всяком случае, подобный вариант возможен, следовательно, Лоле очень не повезло. Никита задал ей последний вопрос:

– Как вас найти? Нужны ваши координаты...

Он получил визитку (между прочим, на двух языках), но в ней были только офисные данные, записал домашний адрес и адрес дачи, номера телефонов, попросил, чтобы она приготовила и свою фотографию.

– Зачем? – удивилась Лола.

– Любоваться, – улыбнулся Никита.

– Приготовлю, любуйтесь, – надменно вымолвила она и попрощалась.

Характерец! Никита долго смотрел на дверь, за которой скрылись незабываемые округлые формы в бирюзовом платье, оставившие неизгладимый след в душе, а также всколыхнувшие похотливые мысли. Однако Лола птица из заоблачных высот, а он земноводный обитатель, короче, не по Сеньке шапка.

Никита включил музыку, уткнул нос в переплетенные пальцы и слушал, вернее, думал. Ситуация неожиданно изменилась. Сейчас не стоит менять местожительство, пока не закончит дело Лолы, теперь-то с деньгами нет проблем, но... их предстоит отработать, а на его плечах еще Лиса.

– Черт, знакомая мелодия... – промямлил он, набирая номер на аппарате. – Лиса? Как там у тебя? Кто-нибудь прихо-

дил?

– Никто. Все нормально, Никита.

– Послушай, что это за музыка? – И увеличил звук.

– Это же «Болеро» Равеля.

– Ну да, я так и думал, просто сомневался. Валерка любил этого... Равеля? Часто слушал?

– Почему ты спрашиваешь?

– Диск нашел в его сейфе.

– Когда делал что-либо по дому, слушал «кислоту», от этих «бух-бух» у меня уши уставали и мозги сворачивались. Ну, рок-группы любил, а «Болеро» Равеля... нет, не припомню. Валера классику терпеть не мог.

– А «Болеро» классика?

– Конечно. Что еще?

– Как будто все... Ой, подожди, не бросай трубку. Что тебе из продуктов купить? Только не скромничай.

Он написал список под диктовку Алисы, затем дослушал «Болеро» и резюмировал:

– Круто. И не подумай, что классика.

К Алисе попал в сумерках, долго не задержался, лишь отдал продукты, еще раз напомнил, чтобы никому не открывала, и спустился вниз. Прикуривая, машинально кинул взгляд на свою «пятерку»... Но что это? Точнее, кто это?! Некий тип заглядывал в окно, может, угнать надумал? Или бомбу подбросить?

– Эй, что надо? – решительно двинул к типу Никита.

Мужчина оглянулся и кинулся к своему автомобилю...

Вот он – черный автомобиль из категории «для очень-очень белых людей». Здесь, во дворе Лисы? Значит, она не ошиблась, ее пасут. И знают, кто оберегает Лису, судя по интересу к его непрезентабельной арбе, которой пора стоять среди раритетов в музее машиностроения.

Автомобиль почти бесшумно и резко сорвался с места, Никита тоже. Номер бы увидеть...

Никита бежал за ним изо всех сил, чтобы хоть чуточку уменьшить расстояние... Ага, щас! Ноги и четыре колеса – не одно и то же. Он затормозил уже на улице, в сердцах махнул рукой, словно ударил невидимку, и поплелся к своей «пятерке». Лису надо бы спрятать. Куда?

Жара, черт ее возьми, не спадала и ночью, а макушка лета подбрасывала дополнительные неудобства: лишив дождей землю, она предоставила не просто горячий воздух, но почему-то и влажный. Стоило пройти квартал, кожа становилась липкой, рубашка на спине мокрой, по вискам струями стекал пот. А добавить к этому знойному счастью абсолютное безветрие – получаешь наглядное представление, что такое адское пекло. Машина нагревалась, как печка, даже в тени, кондиционер не предусмотрен в данной модели, и Никита подумывал установить его, иначе ничего не стоит окочуриться от перегрева. Да где взять время? Теперь его не хватит, в

дикую жару придется мотаться туда-сюда, запасаясь в магазинах минеральной водой, которая быстро нагревалась.

Когда Никита зашел к Эдуарду Дмитриевичу Капустину, тот нахмурился:

– А... Вольный сыщик? И как оно, на воле-то?

– С переменным успехом, – плюхаясь на стул, сказал Никита. – Зато я сам себе начальник. Вы обещали рассказать подробности о Валерке.

– Разве? – прикинулся склеротиком Эдуард Дмитриевич.

– Мне это очень нужно.

– Все вы умники, – заворчал тот. – Работать предпочитаете самостоятельно, а как придавит, к нам бежите.

– Точно, придавило. Я ж могу помочь родной милиции, заметьте, без затрат государства на мою персону, то есть абсолютно даром.

Дмитрич поджал губы, отвернув лицо от бывшего сотрудника. Валерка тоже служил когда-то под руководством Эдуарда Дмитриевича, да если бы он был единственным начальником, то служба казалась бы медом. Видя, что у Эдуарда Дмитриевича настроение ни к черту – в такие моменты он необщительный и злой, а отступать Никита не собирался, – он рассказал о злоключениях Алисы, закончив:

– Видите, я вынужден позаботиться о ней, следовательно, поучаствовать в поисках убийцы Валерки.

– Почему она не написала заявление, ко мне не пришла?

– Учитывайте ее состояние. Алиса не сразу сообразила,

что ее намеренно пытаются задавить колесами, да вначале, честно признаюсь, и я не очень-то в это верил, пока вчера не столкнулся с черным автомобилем во дворе. Водителя заинтересовала моя машина...

– Номер запомнил?

– Запомнил бы! Если бы увидел. Темно было. Водителя тоже не узнаю, не рассмотрел. Он как дунул, как дал по газам... И мне странный звонок поступил в день похорон Валерки, теперь я уверен, что речь шла о Лисе... Алисе.

Эдуард Дмитриевич смилостивился, приказал принести дело, Никита читал и глазам не верил. Валерка был пьяный в лоскуты, как показало вскрытие. Нет, он, конечно, выпивал, но до свинского состояния не накачивался никогда, а уж наркотиков сроду не употреблял. Однако незадолго до убийства укололся – как этот факт трактовать? С кем он пил? Не один же. Совсем дурак, чтобы напиться, зная, какая опасность подстерегает его?

Еще странность: в море не купался. Июльская жара способствует так называемому «цветению» морской воды, то есть активно размножается сине-зеленая водоросль, отчего вода приобретает соответствующий цвет. Водоросль микроскопична, следовательно, остается на купальном костюме, в волосах, Валерка полностью чист от нее. Так какого черта он разделся?

Версии: профессиональная деятельность, следствию стало известно, что у Валерки появилась халтурка, устав нового

охранно-детективного агентства уже позволял заниматься и сыскной работой, но подробностей – ноль. Далее: ограбление – смешно. Впрочем, денег, телефона, обручального кольца и часов при нем не нашли. Третья версия: ритуальное убийство – вообще обхохочешься. Но раз найден голым и с ножом в животе (без отпечатков пальцев), то... почему нет? Четвертая: месть. Мол, много лет назад он кого-то поймал, засадил, тот отсидел, вернулся...

– Я бы еще одну версию подкинул, – ввернул Никита.

– Какую? – фыркнул Эдуард Дмитриевич, дескать, без тебя тут умных полно.

– Пришел, укололся, отполировал спиртным, жарко стало, разделся, потом ударил себя ножом.

– Понятно: сам себя, да? А на месте обнаружения трупа бутылки и шприца не было.

– Закинул в воду.

– Ладно, хватит язвить, – осадил его Эдуард Дмитриевич. – Что тебя не устраивает?

– Все. Как это – следов присутствия людей не обнаружено? На диком пляже и в будни полно народу до самого вечера. Оставляют они после себя и бутылки, и горы мусора, и следы ног на песке. А здесь, – Никита кинул дело на стол, – будто кусок первозданной природы, на который случайно ступил человек. Недобросовестно исследовали местность. В общем, дело труба, Дмитрич, я не представляю, с чего начинать.

– И никто не представляет.

– Хотя... у меня есть идея. Можно, я сначала ее обмозгую?

– Мозгуй, черт с тобой.

– Мне нужно еще одно дело. В роще недалеко от ресторана «Ракушка» застрелили Вишневого.

– М-м... – с неопределенной глубокомысленностью протянул Эдуард Дмитриевич. – А что тебя смущает?

– Вы слишком хорошо обо мне думаете, меня уже ничем не смутить. Ко мне обратилась Лола Голдина...

– Понятно, – перебил тот. – Не туманное дело. Она была с ним в ресторане, между ними произошла ссора, Вишневецкий ударил ее...

– Ударил Лолу?!

– Да. Она выплеснула ему в лицо вино, ушла, пригрозив, что разделается с ним.

– А Лола утверждает, что ее не было в ресторане.

– Голдину опознали свидетели.

– Знаю, знаю, она рассказывала. Но угрозы и ссора еще не являются неопровержимым доказательством, что именно она застрелила.

– Поэтому Голдина пока на свободе. Ты, Никита, без меня знаешь, что такое свидетельские показания одного человека, а тут несколько.

– Они видели, как она стреляла?

– Не видели. Но утверждают, что она была с ним в ресто-

ране, а Голдина почему-то этот факт отрицает. Одна против многих. По-моему, она держит всех за дураков.

– Давайте, я проверю?

– Проверь, она же тебе платит за проверку. Все-таки определись, чем будешь заниматься – Валерой или Голдиной, на двух стульях еще никому не удавалось усидеть.

Никита ничего не сказал ему, а углубился во второе дело...

– Слабое место, – озарило Никиту. – Я же полдня долдонил об этом.

Он завел мотор и рванул со двора. Ну конечно, слабое место – залог успеха. Недостаток информации всегда восполнит слабак, потому что слабость, родная сестра трусости. И когда возникает явная угроза жизни, что делает слабак? Слезно молит пощадить и раскалывается. А Никита уж постарается не оставить шанса на компромиссный вариант. Со всеми компромиссами покончено, а также с оттяжками и нерешительностью. Лишь бы слабак был на месте, а Никита уверен, что он там.

Он вырулил на дорогу, прибавил скорости выше положенной. Следовало поторопиться, так как неизвестно, что господы, подружившиеся со смертью, затеяли.

Та-та-та-там... та-та-та-там... – били по вискам барабаны, задавая ритм. Это наваждение, мания какая-то, словно по Никите траурная дробь бьет. С того момента

как проснулся, он слышит и слышит удары барабанов, где бы ни был.

Пусто, на дороге свободно, немного душно. Никита открыл окно...

4

Когда он запросто, по-свойски надумал увидеть несравненную Лолу, для чего отправился в ее офис (настоящий офис, а не как у него – вшивая контора), его не пустили!

– Сегодня нет приема, – сказал охранник.

С ним разве поспоришь, что-либо докажешь? Никита достал визитку, набрал ряд цифр на мобильнике, через минуту услышал стальной голос:

– Слушаю.

– Это Старцев, Лола...

– У меня совещание, я не могу говорить.

Вот как! У нее совещание, которому не в силах помешать даже горящая задница, между прочим, ее задница горит. Никита тоже придал своему голосу металлический тон:

– Момент! Мне срочно нужна ваша фотография, вы обещали...

– Ждите внизу, снимок вынесет мой пресс-секретарь.

Отключая телефон, Никита с чувством произнес:

– Стерва!

Заложив руки за спину, он ходил по совершенно пустому холлу, где не на что присесть. Зато прохлада, здесь не покуспились на кондиционеры в отличие от Никиты, в его конторе температура градусов на пять выше, чем на улице.

Из лифта вышел молодой человек лет двадцати шести

– двадцати семи, направился прямо к Никите, собственно, других людей в холле не было, кроме двух охранников. Смазливый парень, но лицо... с таким лицом только в гробу лежать. Брови сдвинуты, углы губ опущены, глаза старца – уставшие, тоскливые, безвольные. Бедный. Бедный, потому что работать у Лолы – никакого здоровья не хватит. Он подошел к Никите:

– Старцев вы?

– А тут еще кто-то есть? – пошутил Никита.

– Тогда это вам, – передал он конверт и отправился к лифту.

Никита хмыкнул ему вслед. Ни тебе здрасте, ни тебе до свидания! Вероятно, в этом центре мазута и нефти понятия не имеют о правилах хорошего тона. Никита сел в машину, достал фото. М-да... Бывают же на свете женщины класса люкс! Их кто-то любит, ласкает, потворствует капризам... Впрочем, какой же надо иметь кошелек, чтобы потворствовать капризам Лолы? Не кошелек, а мешок, к тому же не один. Он достал фотографию Вишневого, положил оба снимка на руль. Нет, этот вряд ли потворствовал капризам, с фото смотрела на Никиту самовлюбленная и самодовольная физиономия. Может, они оба друг друга стоят? Не прикончила бы его она, он ее наверняка грохнул бы от той же ревности.

Кофе, сигарета, ноги на столе, Равель («Болеро») на ушах

– кайф. Никита не торопился домой, там его никто не ждал, но он от этого не страдал. Он принимал решение, взвешивая свои силы.

Безусловно, Дмитрич прав, в двух направлениях работать невозможно, но Валерка оставил завещание, в котором прямо написал: «Не бросай Лису». Последнюю волю покойного грех не исполнить, стало быть, вариантов нет. А Лола – это деньги, хорошие деньги, надо сказать, ими не бросаются в положении Никиты. И где выход?

А не попробовать ли удержать задницу на двух сидалищах? Он же не один будет пахать, как раз плуг возьмут другие работяги, а ему предстоит стать мозговым центром. Ну и станет. Главное, не пасовать перед трудностями, не поддаваться сомнениям, а быть уверенным в успехе, и он придет, в смысле успех, придет. Но если в истории с Лолой он знал, с чего начинать, то в случае с Валеркой полный обвал. Дикий пляж... Не настолько уж он дикий, особенно летом, значит...

На трагическом взрыве закончилась музыка. Никита снова включил запись, снял с аппарата трубку, набрал номер:

– Петя, привет. Как там дела в ЧОПе?

– Порядок, шеф.

Ух, ты – шеф! Приятно, приятно. Сам того не желая, Никита взял тон исключительно начальственный:

– Возникли кое-какие проблемы с Алисой, я должен ей помочь, так что управляйся пока без меня.

– С Валерой связано? – осведомился Петя.

– С ним. Кстати, я нашел в сейфе диск, слышишь?

– А, «Болеро»?

– Ну да... – немного потерялся Никита. Петя дуб дубом, а Равеля знает. – Чего это он хранил этот диск отдельно от остальных да еще в сейфе?

– Хрен его знает. Только своим «Болером» задолбал нас! Как ни зайдешь, у него одно и то же на всю громкость. Шеф, если нужна помощь Алисе, мы всегда готовы.

– Спасибо, пока справляюсь. – Никита положил трубку, почесал затылок и, скрестив руки на груди, считал: – Значит, классику терпеть не мог, но слушал. Не напивался и не кололся, даже не курил, вел здоровый образ жизни, но нализался и укололся. Мне клялся, что, как только выдастся случай, подкинет работу, но взялся сам и работал втихаря... Стоп, Лолу же отдал мне. Но интересно, Валера, что ты еще делал, чего мы с Лисой знать не знаем?

В кабинете парил сизый дым, кондиционер и здесь не предусмотрен, а устанавливать его теперь не имело смысла, все равно покинет контору. Никита подошел к окну шире раскрыть створки, чтобы проветрить, как вдруг с внешней стороны кто-то соскочил.

– Кто там? – крикнул Никита и перегнулся через подоконник. Додумался до идиотского вопроса! Будто ему скажут: это я, подглядываю тут за вами.

Заметив убегающую фигуру, быстро таящую в темноте,

он вылетел в окно как пробка и помчался догонять. Бежал – куда там чемпионам до него! Однако тот, кто убегал, ничуть не уступал в скорости. Нет, скорее, превосходил! Потому что Никита примерно пару кварталов держал цель, а потом за поворотом она испарилась. Он метался взад-вперед, заглядывая во все закоулки, ни с чем вернулся к конторе, дернул за ручку... Дверь заперта изнутри, ключи на столе, следовательно, путь один – забраться через окно. Залезть оказалось сложнее, чем выпрыгнуть, но справился.

Минут пять спустя к нему вломилась милиция – вот так сюрприз, вот так оперативность! Бдительные жильцы с верхних этажей заметили, так сказать, вора и вызвали милицию. Пока то да се, пока стражи порядка разобрались и убрались, Никита просто обессилел, но вывод сделал:

– За мной следят, а я не принял всерьез тревогу Лисы. Вслух больше ни звука, молчание – золото.

– У тебя есть зацепка? – не поверил Эдуард Дмитриевич.
– Скажем, не зацепка, а крючочек, маленький и без гарантийного талона, – не обнадежил его Никита. – Как напился Валерка, я не знаю, а наркотик ему вкололи, чтобы сделать безвольным мешком, не способным самостоятельно передвигаться. Да, знаю: следов насилия нет, видимо, для того его и поили, чтобы не крутить руки. Затем Валерку перевезли на дикий пляж, раздели, чтобы создать видимость, будто он там прохлаждался. Побоявшись, что спиртное с дозой

морфия может оказаться ненадежным убийцей, его ударили ножом, намеренно забрали ценные вещи. По их мнению, какая должна сложиться картина? Напали неизвестные с целью ограбления.

– Ну, сложилась картина, дальше что?

– А дальше... По моим расчетам дикий пляж ночью не должен пустовать. Я там отдыхал и видел, как в мусорных кучах рылись бомжи, собирали банки из-под напитков, бутылки, выбирали остатки пиршеств. Был случай, когда из-за мусорной кучи произошла стычка, два бомжа прогнали третьего, значит, территории кормления распределены, чужих туда не пускают. А раз не пускают, то свою территорию стерегут, значит, живут там. Надо отыскать бомжей и допросить, за полтинник они расскажут все, если, конечно, что-то видели.

– Первый раз слышу, что там кто-то живет, – сказал Эдуард Дмитриевич. – У черта на куличках, никаких удобств.

– Всего пять километров от города, зато люди не сидят на головах друг у друга, а бомжам раздолье, – возразил Никита. – А первый раз слышите потому, что это первое убийство там. К сожалению, я только предполагаю, Дмитрич, а не утверждаю. Но использовать надо все шансы.

– Пошлю туда ребят. Что еще?

Никита медлил с предложением, припомнив, за что его многие недолюбливали и, наверное, были правы. В общении он спокоен и закрыт, а данная черта тоже не всем нравит-

ся; он дружелюбен, отзывчив, не переходит границы, опускаясь до плебейского уровня, что располагало к нему людей. Но цель оправдывает средства – это его позиция, правда, не всегда она венчалась успехом. С точки зрения кодекса чести позиция гнилая, она-то и составила о нем нелицеприятное мнение, да только корни ее в азарте, а азарт диктует правила. Кто-то отравлен картами и рулеткой, Никита – задачами, которые ставит перед собой, решает их путем проб и ошибок. Сейчас предстояло предложить очень скользкий путь к решению задачи, не исключена ошибка, которая будет дорого стоить. Он подбирает слова, дабы его предложение Эдуард Дмитриевич не считал подлым:

– Лиса. Не хотелось бы, но ее следует использовать. Смотрите, какой выбрали способ убрать Лису: давили колесами. И не пытались убить другим способом, пока не пытались. Как мне видится, ее смерть должна выглядеть случайной, ну, нечаянно задавили девушку, водитель испугался и уехал.

– Конкретно говори, а не ходи вокруг да около, – раскусил его Эдуард Дмитриевич.

– На нее надо ловить убийцу Валерки. Только ни в коем случае ей об этом говорить нельзя, иначе ситуация выйдет из-под контроля. Я знаю Лису, она продаст и себя, и тех, кто будет за ней присматривать.

Эдуард Дмитриевич, обхватив пятерней тяжелый подбородок, скорчил недовольную гримасу:

– Это большой риск. Мы подставим ее.

Когда Никите говорят «нет», а Дмитрич фактически отказался от идеи, он принимает тактику тарана, то есть находит убедительные аргументы.

– Это самый действенный способ быстро выйти на убийцу. Лису пытались убраться, думая, что она знает то, что знал Валерка. И за мной следят, потому что хотят знать каждый мой шаг. Убийца понимал: Лиса придет ко мне за помощью, поэтому позвонил и предупредил, чтобы я не помогал ей. До этого он уже пробовал наехать на нее, а загадочным звонком рассчитывал напугать меня, чтобы Лиса осталась одна. Теперь он хочет знать, что я предпринимаю. Но мне помощь не нужна, надеюсь справиться сам, если повезет...

– А если Алисе не повезет? – остудил его Эдуард Дмитриевич. – Ну, прозевают ее, как не раз случалось в подобной практике. Ты простишь себе?

– Не прощу. А вы постарайтесь не прозевать. Убийце нужно ликвидировать опасность в лице Лисы, он придумает, как ее достать даже в бункере.

– Что же это за опасность, в чем она? – произнес Эдуард Дмитриевич. – Ни одного предположения не имеем, в какую западню попал Валера.

– Тем более, – гнул свою линию Никита. – Лиса – единственная возможность взять убийцу или убийц. Полагаю, их несколько, нам бы хоть одного...

– Ладно, иди, я подумаю.

Настала пора вплотную заняться делом клиентки Лолы. Никита приехал к ресторану «Ракушка» и сначала побродил в роще, где был найден труп Георгия Вишневого. Фотографии он изучал тщательно, место определил с ходу. Стоял, заложив руки в карманы летних брюк и подняв плечи, будто с неба накрапывал дождь, он размышлял.

Место безлюдное, общественный транспорт сюда не ходит, следовательно, добраться в «Ракушку» можно или на своей машине, или на такси. Вот, такси! О таксистах ни слова нет в протоколе, а они постоянно дежурят возле кабака, значит, работал над делом молодняк без опыта.

Роща, не дремучий лес, лиственные деревья и кустарники росли хаотичными кучками, днем отсюда неплохо просматривался ресторан с парковкой, за ним полоска моря. Ночью точка, где застрелили Вишневого, скрыта абсолютным мраком (освещение лишь у ресторана), убийца ничем не рисковал. Выстрел слышали многие, но приняли его за хлопок ракеты. Граждане последнее время, подвыпив, обожают пускать ракеты в небо по любому поводу, особой популярностью пользуются фейерверки – куда уж тут обратить внимание на одинокий хлопок.

Внутри «Ракушки» было прохладно и пусто, Никита устроился за столиком на двоих, заказал мясо и кофе, курил, изучая слонявшихся без дела официантов. Выбор свой остановил на юноше, обслуживающем его, показал удостоверение:

– В начале июня здесь застрелили мужчину...

– Да, в роще, – закивал тот. – Но я тогда не работал, я новенький.

– Будь другом, позови старенького.

К нему подошел молодой человек постарше первого, выслушав, помнит ли он вечер начала июня, когда нашли труп, сказал:

– Да, я работал в тот вечер, события помню неплохо, такое не забывается. Только нас допрашивали раз сто, на опознание возили, что еще?

– Нужно кое-что уточнить, все же убийство. – Никита достал фотографии, положил на стол. – Эти люди были здесь?

– Эти. Вон за тем столиком сидели, у окна. Оба, случилось, заезжали сюда то вместе, то порознь или с друзьями. Но у нее прическа была другая.

– Какая именно? Да ты присядь...

– Не положено, – отказался официант. – Волосы у нее просто спускались по плечам.

– А во что она была одета?

– В платье. В зеленое платье с мелкими стразами.

– И что они делали?

– Сначала вроде бы мирно пили и ели, потом начали спорить...

– О чем? – подхватил Никита.

– Этого никто вам не скажет. Тут по вечерам такой грохот стоит, себя не слышишь. Я бы сказал, женщина спорила...

даже злилась. Мужчина был более сдержанным, но разговаривал с ней... свысока, что ли. Потом он ударил ее по лицу, в ответ она плеснула в него вином и ушла. Лично я этого не видел, бармен рассказал и официантка.

– Странно получается: стоял грохот, но угрозы, которые произнесла женщина, слышали.

– Музыканты как раз ушли на перерыв, а мимо их столика проходила официантка с заказом. В этот момент он ударил ее, она плеснула вином, вскочила и сказала: «Это не все, ответный удар ты получишь, обещаю. Пожалеть не успеешь». Он послал ее. Прямым текстом послал. Ну, она и пошла, сбив с ног нашу официантку. Не извинилась.

– Труп нашли в половине первого ночи. Кто и как обнаружил его?

Конечно, Никита читал, как обнаружили труп, но, задавая свои вопросы, рассчитывал на подробности.

– Клиент, – ответил официант.

– А что он делал в роще ночью, где темень жуткая?

– Хм, – усмехнулся молодой человек. – Не знаете, что у нас за народ? Как переберут сверх нормы, в пространстве теряются. Этого товарища загружали в такси, ему понадобилось в туалет. У нас все удобства есть, так нет же, он побежал за кустик. А пьяному кажется, что его все видят, он и углубился в рощу. Об труп споткнулся, упал прямо на него. Смекнул, что валяется человек, но не сообразил, что это труп. Вернулся и не хотел в машину садиться, кричал, что

там человек спит. Друзья позвали вышибал, те пошли в рощу с фонариками. Только он уже готовый был, но еще теплый. Вызвали милицию.

Никита сунул ему стольник типа на чай, вышел на жару, залез в раскаленный автомобиль и поспешил тронуться в путь, чтобы хоть ветер залетал в салон. Ну, пока ясно, что ничего не ясно. К сожалению, Вишнеvский не расскажет, за какой надобностью он поперся в рощу, может, тоже спьяну решил отлить возле кустика. Короче, следовало отыскать таксистов, возможно, те что-нибудь да заметили. Позвонил Пете и попросил прислать к нему толкового парня, не самому же тратить время, рыская по фирмам извоза. Никита теперь работодатель, имеет право давать задания работникам.

К вечеру дозрел Эдуард Дмитриевич и дал согласие сделать приманкой Алису. Никита и не сомневался: выхода у него не было. Как человек бывалый, Эдуард Дмитриевич понимал, что у Алисы имеется единственный шанс выжить – если ее подставить под удар. В самом деле, не сидеть же ей всю жизнь взаперти, к тому же и за надежными запорами, стоит сильно захотеть, достать ее не столь уж проблематично.

Дисциплинированная Алиса на звонок приоткрыла дверь, выглянув из-за цепочки, а Никита отчитал ее:

- Почему не спросила, кто пожаловал?
- Дверь на цепочке...

– Твою цепочку перерубить – раз плюнуть. Ладно уж, открывай, я продукты привез и деньги.

– Зачем мне деньги, если я их не трачу? – идя на кухню, спросила Алиса.

– Теперь будешь тратить. – Он выставлял из пакета свертки с банками, а в глаза ей не смотрел, совесть есть и у него, она, проклятая, противно зудела. Говорил быстро, легковесным тоном, словно речь шла о пустяках: – Все, Лиса, можешь порхать на свободе. Твоих чабанов взяли, допрашивают, тебе тоже предстоит давать показания, правда, это будет не скоро.

Алиса присела на табурет, была удивлена, но радости по поводу освобождения Никита не заметил.

– Взяли?! – переспросила она. – А как узнали, что это те, а не другие?

– Черный «мерс», – марку он не разглядел, сказал, что пришло на ум, – дежурил в твоём дворе. Этот же автомобиль пас меня. Вот так и взяли.

– Сколько их?

– Двое, Лиса.

– И что они говорят? Почему ко мне привязались?

– Пока ничего не говорят, но, поверь моему опыту, заговорят. Так что гуляй спокойно, ходи на работу, навещай подруг... В общем, пора войти в ритм.

Алиса отчего-то съежилась и стала похожа на рыженького котенка, мерзнущего от холода и вызывающего жалость. Она уложила подбородок на ладонь и, покусывая ноготь, недо-

уменно произнесла:

– Странно... Когда мне было страшно, я забывала о Валере. Хотелось избавиться от страхов, пойти куда-нибудь, где шумно и весело. Сейчас ты сказал, что бояться больше нечего, а мне ничего не хочется. Даже выходить из квартиры не хочется. И мысли полезли... о Валере... что я теперь одна...

– Не-не-не! Это плохой симптом – мысли. Гони их – хорошие, плохие, – гони. Валерки нет, Лиса, и не будет, тут уж ничего не поделаешь. Надо учиться жить без него, настраиваться на позитив.

Да, утешитель из него... Посторонний человек и то нашел бы несколько теплых слов, посочувствовал, а не отделялся бы дежурными фразами.

– Почему он ничего не сказал? – бубнила она. – Даже тебе не сказал. Нехорошо поступил, не подумал о нас, что его тайные дела коснутся меня и тебя.

– Он обезопасил нас, Лиса. Думал, что обезопасил.

Никита не был уверен, что все именно так, как он преподнес ей, сам путался в догадках, вычисляя, почему Валерка промолчал, зная, чем может закончиться его предприятие.

– Но меня давили из-за него, да?

– Это выяснят, – ускользнул он от ответа. – Не сиди в одиночестве, в твоём положении лучший способ забыться – проводить время с друзьями. А я пойду... Не кисни.

Валерка поступил плохо, Никита поступает еще хуже, подвергая Лису нешуточной опасности тайком от нее. Оста-

лось утешиться одним: она везучая.

Никита заглушил мотор, выбрался из машины, даже не стал ее закрывать. Дальше – пешком, это рядом. Машины предусмотрительно оставил на дороге, чтобы в дальнейшем не мешкать, выезжая со двора.

Вот и двор. Повезло, окна второго этажа горели тусклым светом, значит, хозяин дома. Прямо гора с плеч. Кстати, это хорошая примета, практически гарантирующая успех. А успех зависит от внезапности, только вопрос: как эту внезапность осуществить? Что, ему запросто откроют среди ночи?

Но он все же тронул дверь подъезда дома – закрыта. Нужно знать код, а кода Никита не знает. Он быстро обошел дом в поисках пожарной лестницы, чтобы забраться на крышу, оттуда спуститься на балкон, ее не оказалось. Да и зачем она на двухэтажном доме? В случае пожара прыгнуть не столь уж трудно. Задача сложная, так как следует подобраться без шума, а как залезть без шума на балкон второго этажа? Есть другой путь? То-то и оно. Никита вернулся на исходную точку, попятился, осматривая стену...

5

Кажется, фортуна повернулась лицом. Никита помчался в фирму «Ямщик», куда попросил его приехать Аркаша, занимавшийся поисками фирмы, захватившей прибыльную точку у «Ракушки». За полтора дня парень отыскал тех таксистов, кто дежурил в ту знаменательную ночь у ресторана.

Аркаша ждал его возле таксопарка, призывно замахал руками.

– Идем в кабинет, – сказал он, когда Никита заглушил мотор. – Хозяин «Ямщика» мировой мужик, хоть и молодой, собрал трех водил, тебя ждут.

Хозяина отличали молодость и здоровый дух в явно здоровом теле. Он вышел из-за стола навстречу Никите и Аркаше, обменявшись приветствиями, уступил свое место руководителю:

– Располагайтесь, вам там будет удобней. Мужики, – обратился он к трем водителям, – правду, и только правду. А я, извините, удалюсь, у меня своя головная боль.

Никита начал с вопроса:

– Вы хорошо помните тот день? Все же времени прошло много.

– Такое не забывается, – пробубнил пожилой мужчина, повторив фразу официанта.

– То есть вы были свидетелями убийства?

– Не были, – ответил тот же мужчина.

– Кто ж будет стрелять при свидетелях? – ехидно хмыкнул второй.

Никита понял, что по слову из них вытаскивать – дело муторное, предложил:

– Давайте так, вы рассказываете, что да как было, а я потом задам вопросы, если появятся неясности.

Два таксиста посмотрели на пожилого с намеком: ты начинай. А тот и не возражал, откашлялся в кулак, потер колени, словно готовясь к важному действию, и вдруг растерялся:

– А с чего начинать?

– Что было до того, как вы услышали выстрел, – подсказал Никита. – Где вы находились, какая была обстановка?

– Обычная обстановка, – сказал пожилой таксист. – У нас парковка немного в стороне, площадку у «Ракушки» занимают клиенты, а мы у рощи паркуемся. Клиентов было мало, мы простаивали. Там так часто бывает: приехали на своей машине, накачались вдрызг, берут такси, поэтому наших машин несколько дежурит. Ну, короче, ждем. Народ из «Ракушки» выходит покурить, шумят, шампанским стреляют, бабы визжат. А выстрел в роще грохнул. Не так чтобы громко, но понятно стало, что стрельнули. Мы как раз курили у машин, само собой, обсудили, кому это вздумалось пушкой баловаться.

– И кому же? – спросил Аркаша.

– Да мало ли. В «Ракушке» все больше богатые оттягива-

ются, им такое иногда в голову приходит... нарочно не придумаешь. Там и колются... сопляки, конечно, у которых мамы с папами деньги не считают, а их дети от безделья маются. Там и секс увидишь прямо на травке, все случается. Мы обсудили и забыли...

– В котором часу прозвучал выстрел?

– Где-то в начале двенадцатого.

– Посмотреть не захотели, кто в роще оружием баловался?

– Э, нет, – заулыбался таксист. – Наше дело доставить клиентов куда скажут, а лезть к пьяным козлам с пушкой в руке – дураков нету. Да пусть хоть перерубятся, нам-то что?

– Дальше. – Никита решил, что пожилой человек не все рассказал.

– Когда мы забыли о выстреле, из рощи вышла молодая баба, метрах в десяти от нас вышла. Ну, мы вспомнили про выстрел, подумали, это она тренировалась в роще.

– Что она делала?

– Ничего. Пошла по дороге, ведущей к городу. Потом я повез парочку, вернулся, а тут труп нашли в роще. Наверное, она застрелила.

– А что вам запомнилось в той женщине?

– Красивая.

– И все? Кто-нибудь запомнил приметы?

– Темновато было, – развел руками пожилой мужчина, но в диалог вступил самый молодой:

– Я запомнил. Еще когда она из «Ракушки» вышла, я за

ней долго наблюдал.

– Долго? – подхватил Никита. – А что она делала?

– Стояла и курила. К ней приставал мужик, она что-то ему сказала, он и отвалил. Я отвлекся, мы ж еще и между собой базарили, а когда посмотрел на то место, где она стояла, ее уже не было. Потом она же вышла из рощи.

Никита достал фотографию Лолы, показал всем:

– Это она была? – Все трое смотрели и не решались дать утвердительный ответ. – Ну, вспоминайте, вы же водители, зрительная память у вас должна быть выше среднего.

– Трудно по фотографии... – произнес молоденький водитель. – Как будто похожа... Нет, если бы я ее увидел живьем, точно сказал бы – она или не она.

– И я живьем узнаю, – подал голос второй водитель.

– Так... – Никита на миг задумался, блуждая взглядом по таксистам, затем резко поднялся. – Поехали, мужики.

– Куда? – насторожился первый. В отличие от коллег, которые вскочили, он остался сидеть.

– Вы посмотрите на женщину живьем, – ответил Никита. – Это нужно сделать, чтоб не произошло ошибки.

– Ну, если нас отпустит хозяин... – нехотя встал пожилой.

– Аркаша, сбегай к хозяину, скажи, мы ненадолго забираем его людей, примерно через часок привезем их обратно, – приказал Никита.

Повод, повод... Он думал, какой изобрести предлог, что-

бы выманить нефтяную принцессу из офиса, если, конечно, она там. Проще простого позвонить и уточнить ее местонахождение, но что сказать, зачем он позвонил? План такой: она должна выйти к нему, Никита с ней переговорит (пока неизвестно, о чем), но главное – таксисты на нее посмотрят... А ни одной идеи, ни одной. Что-то мешало сосредоточиться на предлоге. Не что, а кто! Она же и мешала – Лолла, внеся сумятицу в мысли. Кто она – убийца или жертва? Сейчас должно выясниться.

Он остановился у офисного здания, без суеты достал мобильник и решительно нажал на кнопку вызова.

– Слушаю вас, Никита.

– Мне срочно нужно с вами увидеться.

– В чем проблема? Поднимайтесь в кабинет. Четвертый этаж...

– Я не поднимусь к вам, нет времени. Вы не могли бы спуститься ко мне? Жду вас на улице.

– Но... – Она явно намеревалась возразить, да не тут-то было, он не дослушал:

– Без «но»! Разрешите напомнить: вас должны заботить результаты моей работы, так что поторопитесь. Много времени я у вас не займу.

И отключился. Так он ее, лентяйку! Пускай скачет, для фигуры полезно.

Никита выбрался из машины, бросив через плечо таксистам:

– Внимательно смотрите.

Не стал предупреждать, мол, от вас зависит сейчас многое, например, свобода этой женщины, не ошибитесь. После возложения ответственности обычно срабатывает обратный рефлекс: люди теряются, сомневаются, а сомнения не могут являться подтверждением.

Он заметил ее еще в холле, Лола шла к выходу как солдатка, отстукивая каблуками четкий ритм, за ней не поспевал мордастый тип. Но вот они оба приблизились, а Никита так и не придумал причину! Поздоровавшись, он спросил, указав подбородком на амбала:

– Это кто?

– Телохранитель, – ответила Лола. – Я опасаясь мести отца Георгия... – Слава богу, она сама подбросила идею. – Что вам удалось узнать.

От прямых вопросов ему желательно уходить:

– Во-первых, я ездил в «Ракушку», там вас помнят, узнали по фото...

– Ну и что? – нахмурилась Лола. – Я вам говорила, что меня опознали служащие ресторана...

– Да-да, было такое. Но есть еще свидетели, которых не опросила милиция, я их отыскал...

Ему интересна была ее реакция на новых свидетелей – запаникует она, расстроится или испугается? За каждым из этих трех глаголов можно распознать, точнее, угадать бесов, которые прячутся внутри Лолы и лгут, изворачиваются и лу-

кавят, злятся и насмеваются. Но она лишь вздохнула с обреченной покорностью и устало спросила:

– Господи, что еще за свидетели?

– Таксисты. Они дежурили у роши в ту ночь.

– Они видели, как застрелили Георгия?

Никите показалось, она слегка обрадовалась, во всяком случае, в ее сливовых глазах появилась искорки надежды. Что это означает?

– Не знаю, я не допрашивал их, сейчас поеду, – солгал Никита.

– Так поезжайте и допросите, – взяла она командный тон. – Из-за этого вы оторвали меня от работы?

– Нет, не из-за этого. Как попасть к отцу убитого?

– Он тоже видел меня в «Ракушке»? – насмешливо спросила Лола.

– Я хочу допросить и пострадавшую сторону, это обязательное условие во время расследования.

– Представляю, что он наговорит. Ну, ладно, записывайте...

Вернувшись в машину, Никита повернулся всем корпусом к таксистам, оглядел по отдельности каждую напряженную физию, определил, что все они понимали возложенную на них ответственность. Никита улыбнулся, дабы расслабить таксистов:

– Ну что, мужики? Это она была?

– Она, она, – закивали два водителя, пожилой молчал.

– А вы не узнали ее? – спросил его Никита.

– Да особо не приглядывался к ней, – мямлил тот, пожилая плечами. – Но скажу... похожа. Очень похожа.

– Брось, Иваныч, – отмахнулся паренек. – Это она вышла из рощи. Рост, фигура, лицо, походка... Правда, она слегка шаталась, но все равно. И тогда волосы по плечам были растрепаны, ну, платье было другое.

– Какого цвета? – спросил Никита.

– Зеленое. В мелкую крапинку. Крапинки блестели.

Никита тронул машину с места, с сожалением признав, что загадок не существует, все оказывается значительно проще, чем почудилось в первый момент. И так, точки расставлены без усилий. Ну и ладно, на его совести еще Лиса, а в деле Валерки вообще темный лес, им он и займется вплотную. Лоле, обманщице и убийце, деньги не вернет, они ей больше не понадобятся. Не без удовлетворения Никита заявил:

– Дождь будет. Хорошо бы...

– Да чего ж хорошего? – буркнул сзади пожилой водитель. – Покапает слегка, потом парилка начнется.

– Да нет, – возразил Никита. – Тучи сизые, нормально польет.

– Не было меня там, не было! – огрызнулась Лола. Как все стервы, она психованная. – Накануне мы разругались с Георгием и разбежались в разные стороны. Во всяком случае, я не собиралась с ним мириться.

Черт его знает, зачем он приехал к ней вечером и домой, а не сразу после таксопарка в офис. Может, надеялся спровоцировать на этапное преступление, когда объявит ей о показаниях новых свидетелей и даст понять, что ее песенка спета. Вероятно, поэтому захватил пистолет, держал его в руке, а руку в кармане летнего пиджака, не желая стать очередной жертвой коварства. Никита фланировал по комнате, разглядывая стильную обстановку, картины, фотографии, намеренно поворачиваясь к Лоле спиной. Поворачивался спиной, а голову держал в профиль, одним глазом видел ее. Она же сидела на диване в шелковом халате до пят, нервно курила и не смотрела в его сторону.

– Женщина в зеленом платье с мелкими стразами, светлая шатенка, с рассыпанными по плечам волосами сидела в ресторане с Вишневым, то есть вы, – говорил он без интонационной окраски, никак не показывая своего отношения к факту. – Между ними шел спор... Нет, они ссорились, в результате Вишневский ударил женщину...

– То есть меня! – вспыхнула Лола.

– Да, вас.

– Я похожа на женщину, которую бьют мужчины?

– Если довести до определенного состояния, то мужчина способен ударить даже королеву. Вы плеснули в него вином из бокала, пригрозили, что расправитесь с ним, и ушли. Затем, по описаниям таксистов, эта же женщина, то есть вы, вскоре после выстрела вышла из роши и направилась в го-

род. Приметы совпадают: на ней было зеленое платье в стразах, волосы рассыпаны по плечам... Да что там, сегодня вас опознали таксисты, когда мы с вами разговаривали, а это ни много ни мало три человека.

– Идемте, – поднялась Лола и пошла к выходу.

– Куда? – Никита не сдвинулся с места ни на шаг.

– В гардеробную. – Включив свет в небольшой комнате с открытыми шкафами с гладильной доской и утюгом, Лола обвела рукой пространство. – Ищите.

– Что я должен найти?

– Зеленое платье со стразами. У меня вульгарных нарядов нет.

– Хм! – Никита подошел к ней вплотную, чтобы рассмотреть глаза Лолы, ее лицо. – Платье можно выбросить.

Она прислонилась к стене, запрокинула назад голову и вымученно, с полнейшей безнадежностью сказала:

– Господи, это какой-то кошмар. Меня не было, но я была! Еще немного – и поверю, что я застрелила Георгия. Что мне делать?

Никита пристально вглядывался в Лолу. Даже если она и убила Вишневого, ее жаль. Да, сейчас жаль, два часа назад его обуревали противоположные чувства, просто этот мир и люди в нем изменчивы. Наверное, у нее имелись серьезные причины застрелить дружка, когда альтернативы не было, не исключено, что на кону стояла ее собственная жизнь, следовательно, действовала она в порыве отчаяния. Вот какие

оправдательные мотивы нашел Никита, глядя на классический профиль Лолы, на заостренный подбородок, переходящий в шею, на выступающую грудь. Ну как такое холеное тело положить на жесткие нары? Ах, если бы она согласилась подружиться с ним... близко... очень близко...

– Лола...

– Да?

Ее головка упала на плечо, глаза уставились в его глаза, и в зрачках Никита без труда прочел опустошение и обреченность. К его огорчению, ей сейчас не до «дружбы».

– Я бы хотел вам помочь... – Никита не договорил, впрочем, конец фразы и так ясен, поэтому Лола закивала, дескать, я поняла, вы бессильны. Однако он решился на другое предложение: – Мне нужна правда. При условии, что я буду знать все, можно придумать, как вам выкрутиться.

– Для этого я вас и наняла, – вздохнула она, оттолкнувшись от стены. – Мне тоже нужна правда, но где ее искать? А выкрутиться... Почему я должна выкручиваться? Вообще-то и на это я согласна. Но как? Надо что-то врать... Хорошо, согласна. Что врать? Как доказать, что меня не было в «Ракушке»?

Опустив голову, Никита погладил затылок, оставив на нем ладонь, застыл на некоторое время. У него изворотливый ум, что не раз подтверждалось практикой, но он впервые не имел в запасе действенного рецепта.

– Пойдемте, выпьем чего-нибудь? – предложила Лола.

– Не откажусь.

Коньяк, лимон, шоколад... И минут десять гнетущего молчания в полнейшей тишине. Никита ясно осознал, что не бросит ее, потому что поверил ей. Да, поверил! А разве не бывает на свете трюкачей-фокусников, которые, занимаясь грязными делишками, подставляют других людей? Есть такая порода, она изобретательна и способна на любую подлость. Теперь Никита думал не о том, как выкрутиться, – это действительно безнадежная затея, а как и где добыть доказательства, обратные свидетельским показаниям. Кое-какие мысли зашевелились, но сначала он решил успокоить упавшую духом Лолу.

– В милиции таксистов не догадались найти.

– Да? – более чем равнодушно сказала она. – Почему?

– Очевидно, дело по убийству Вишневого попало зеленым ребятам.

– В конце концов, кто-нибудь подскажет им найти таксистов.

– Во всяком случае, это буду не я.

– Спасибо. К сожалению, мне ваше умалчивание не поможет.

Настало время поделиться соображениями.

– Я не спрашиваю, есть ли у вас враги, потому что врагами обеспечен каждый человек, часто он даже не знает своих врагов. У меня другой вопрос: вы не думаете, что вас подставил двойник?

Она очнулась, взглянула на него с изумлением и, как ему показалось, с опаской:

– Двойник? Не понимаю... Вы хотите сказать, что есть моя копия?

– Да. Именно это я хочу сказать.

– Да нет, это невозможно...

– Почему? Похожие люди встречаются чаще, чем мы думаем.

Лола разволновалась, видно, подобная мысль – надо сказать, спасительная мысль – не приходила ей в голову.

– Похожие! Если все, как один, утверждают, что с Георгием была я, то это должна быть моя *точная* копия, а так не бывает.

– Существует масса средств сделать схожесть максимальной.

– Грим имеете в виду? – отрицательно закачала головой Лола. – А фигура? И потом голос... Его подделать невозможно. А Георгий? Он что, не распознал обмана?

Нет чтобы схватиться за соломинку и обдумывать идею, Лола, наоборот, находила контрдоводы, будто убеждала Никиту, что в ресторане была она.

– Вы же не знаете, о чем у них шла речь, – возразил он. – Думаю, Вишневский как раз распознал подставу.

– Допустим. А цель? Зачем этот спектакль?

– Спектакль продуман неплохо, и, как у всякого предприятия, тем более авантюристического и опасного, у него

запланирован финал, который известен только автору. Эта женщина, ваш двойник, отлично вас знает и умело подражает вам. Вы посещали «Ракушку» не раз, вас запомнили, но в тот вечер ни у кого из служащих ресторана не возникло мысли, что это не вы пришли с Вишневым. Значит, она не только приблизила свою внешность к вашей, но и усвоила манеру поведения. Мне кажется, она хотела использовать Вишневого в своих целях, тот отказался, стал опасен ей и был убит. А раз цель поставлена, раз дошло до жертв, то фальшивая Лола будет идти до конца. Полагаю, она в курсе, что вы под подозрением.

Лола сложила ладони у лица и повторяла, не веря в то, что произносила:

– Двойник... Двойник... Невероятно. Похожая женщина, знающая меня... Среди моих знакомых и приятельниц нет похожих на меня.

– С чего вы взяли, что она входит в круг ваших знакомых?

– Но как же! Необходимо видеть и слышать меня, чтобы усвоить манеры, иначе ничего не получится. Черт, у меня безвыходное положение.

– Скажите, Лола, ваше алиби только сторожиха дачи может подтвердить?

– Да. К сожалению, только она.

– Я бы хотел с ней увидеться.

– Зачем? Она ведь давала показания.

– Я предпочитаю сам допросить свидетелей, иногда удает-

ся вытащить из них полезные сведения, которые по неопытности или по другим причинам не вытащил следователь. Вдруг она в тот вечер с кем-то виделась и упомянула, что вы находитесь на даче. Когда мы можем поехать к ней?

– Да хоть сейчас. – Из унылой Лола преобразилась в деятельную особу, принимающую решения мгновенно. – Подождите меня, я переоденусь.

И скрылась в гардеробной. Никита напомнил ей:

– Уже почти девять, пока доедем, будет десять. Не поздно?

– Что вы. Она спать не ложится долго, если, конечно, не заложила за воротник сверх нормы. Катерина Гавриловна сериалы смотрит, аналитические передачи. Очень любознательная. А для меня сейчас всякое слово в мою защиту дороже золота. Поехали?

Никита не ошибся – днем полил дождь, внеся в знойную атмосферу временную прохладу и свежесть. Вела машину Лола, ему не удалось отговорить ее не садиться за руль, все-таки она выпила, а Никите жить не надоело. Но разве ее убедишь? Всю дорогу он внимательно следил за ней, чтобы в случае надобности перехватить руль, поэтому не пристегнулся ремнем безопасности. «Лихачка, своей смертью не умрет», – поставил он диагноз, когда выехали за город.

Лола остановилась в дачном местечке, напоминающем деревню, во многих домиках горел свет, а тишина изумляла покоем и миром, какой-то особой безмятежностью. Доста-

вая зонт, Лола, всматриваясь в затуманенную дождем каменную махину за железной оградой, сказала:

– У нас никого, света не вижу. Катерина Гавриловна предпочитает смотреть телевизор у нас, мы не возражаем, так дача под постоянным присмотром. Идемте, ее участок рядом. Она отдала квартиру дочери с мужем, сама круглый год живет здесь. Женщина она порядочная, добрая, только выпивает. Ни рубля не возьмет, а спиртное пьет без спроса. Папа специально оставляет бутылки с водкой и вином для нее, чтобы Катерина Гавриловна не трогала дорогие напитки.

Никита забрал у нее зонт и держал над головой Лолы, чай, не сахарный, не растает. Узкая дорожка на дачном участке, утрамбованная и заботливо посыпанная галькой, шуршащей под ногами, вела вглубь. Но и в маленьком домике свет не горел, однако Лолу это не огорчило.

– Спит, наверное. Значит, вечером пила. Ничего, разбудим. Осторожно, здесь ступеньки... – Она тронула за ручку, дверь оказалась открытой, Лола вошла первой. – Катерина Гавриловна! Сейчас... выключатель найду...

Никита посветил ей мобильником, загорелся свет. Вошли в комнату, Лола звала хозяйку, но та не откликнулась. Нашли выключатель и здесь, лампа под старым абажуром осветила небольшое пространство, заставленное мебелью. Опрятно, старомодно, уютно. На столе, застланном белой скатертью, стояли тарелки с остатками ужина, бутылка коньяку (весьма дорогого для пенсионерки) и рюмка. Только из людей нико-

го. Пока Никита осматривался, Лола, зная, где еще может находиться хозяйка, прошла к смежной двери, вдруг остановилась:

– Я так и знала. Спит. Катерина Гавриловна! Нам придется потрудиться, чтобы разбудить ее. Катерина Гавриловна!

Тем временем Никита в полумраке рассмотрел на кровати пожилую женщину в одежде и, пошарив рукой по стене, нащупал выключатель. Когда Лола тронулась с места к кровати, он остановил ее:

– Позвольте я...

– Она вас испугается. Вы же чужой...

Никита обошел ее, бросив на ходу:

– Не думаю, что она способна кого бы то ни было испугаться...

Одной рукой Никита схватился за крепление водосточной трубы, насколько смог, ногу поставил на выступ фундамента. Он подтянулся, залез, вторую ногу поставил на нижнее крепление и поднял голову, отыскивая, за что бы уцепиться. До балкона рукой подать, но не дотянется. Остается ползти по трубе, ставя ноги на крепления. Только бы не оборвалась, а то сейчас строители не слишком стараются, им бы выгнать коробку да сдать ее, потому все на честном слове держится.

Никита полз по трубе вверх, добрался до уровня балкона. И едва-едва дотянулся рукой. Нет, удобней ногой стать, по-

том резко бросить тело на перила. А шум? Вдруг в квартире услышат шум? Он успеет достать пистолет и заткнет любого, кто вздумает помешать.

Итак... Нога – раз! Неплохо. Стоя враскоряку, Никита примеривался, чтобы оттолкнуться с достаточной силой и не свалиться вниз. Толчок – два! Упал на перила – три! Грохот приличный, а больно-то как! Будто ребра все разом сломались. Спортом надо было заниматься, с парашютом прыгать, привык бы к боли. Никита замер, пережидая боль и восстанавливая дыхание...

6

– Что вы имеете в виду? – озадачилась Лола и, следя, с какой осторожностью он приближается к кровати, задержалась у порога комнаты. Было нечто пугающее в его позе, склоненной над телом соседки, а странности всегда нервировали ее. – Что вы смотрите там? Будьте!

Никита выпрямился и огорошил Лолу:

– Она умерла.

– Как умерла?! Вы в своем уме? Ей шестьдесят шесть всего...

Лола осеклась, так как подошла к кровати и увидела своими глазами неживое лицо Катерины Гавриловны.

– Она умерла и лежит здесь дня два, может, меньше, может, больше, – сказал Никита. – Разложение затормозилось, потому что доступа воздуха не было. Ваша соседка болела чем-нибудь серьезным?

– Не помню... Как будто... Нет-нет, на здоровье она никогда не жаловалась. И что теперь?..

– Милицию вызовем. Внезапную смерть без видимых причин должны тщательно исследовать, тем более в вашем случае.

– В моем?! – вытаращилась Лола. – Я-то здесь при чем?

– Это единственная ваша свидетельница, подтверждающая алиби, и вдруг умерла, ничем серьезным не болея. Лич-

но я хочу убедиться, что смерть естественная, а не...

– Вызывайте, – согласилась она, глядя на труп и ежась. – Я выйду... покурю.

Курили под навесом. И все та же безмятежность, омываемая дождем, господствовала вокруг, словно этой жизни неизвестны смерть, разлука, слезы. Длинные струи стекали с навеса, бились о гальку у ступенек, разбрызгивая капли на крыльцо, а запах... Запах дорожной пыли, пропитанный дождем и смешанный с озоном, ни с чем не сравним, он, помимо желаний, настраивает на позитивный лад, в который не вписывается смерть. Хочется с упоением вдыхать свежесть и думать о хорошем, но Никита поглядывал на Лолу, а она непрерывно курила, держа сигарету у рта, и была удручена.

– Вы давно с ней виделись? – поинтересовался он.

– Недавно. Если быть точной, то... три дня назад. Вечером.

– Здесь, у нее?

– Нет, у нас. Катерина Гавриловна была как член семьи, а не просто хранительница нашей дачи, бывало, приедешь, а в доме наготовлено, хотя ее никто не просил. Мы платили ей, помимо зарплаты, то ремонт наши рабочие сделают, то денег подкинем, мол, запланировали сделать вам подарок, но не знаем, что нужно, вы уж сами... Сейчас редко встретишь людей, которым можно доверить дом, ей мы доверяли.

– Она алкоголичкой была?

– Просто любила выпить. Очень любила. Одиночество

ищет друзей, Катерина Гавриловна нашла верного друга – рюмку, поверьте, это не делало ее хуже.

– Разве она одинока? А дочь?

– У дочери своя жизнь, в которой для матери не нашлось места.

– А у вас есть мать?

– Она умерла при моем рождении.

Приехала милиция...

Алиса запланировала кучу дел, лишь бы чем-то занять себя. В работу с головой не уйдешь – каникулы, по расписанию в Доме детского творчества у нее остались занятия всего два раза в неделю, да в центре «Малыш» подрабатывала. Алиса затеяла косметический ремонт, сама двигала мебель, выбрасывала старье, сдирала обои. А ремонт только начни, мало того что конца ему не видишь, но и времени ни на что другое не остается, углубляться в переживания стало некогда. Три дня пролетели мухой, к вечеру Алиса уставала до бесчувствия, тем не менее переодевалась и шла то к одной подруге, то к другой, короче, инструкции Никиты она выполняла буквально.

После посиделок с подругами Алиса обычно возвращалась домой, разумеется, ее провожали. На этот раз решила переночевать, засиделись за полночь, Ольга вдруг опомнилась:

– А мой-то где шляется? Полпервого!

– С друзьями, наверное, – предположила Алиса.

– Позвонить нельзя? – обозлилась Ольга, нажимая на кнопки, затем долго слушая трубку. – Вот негодяй, не отвечает...

Еще полчаса она непрерывно звонила мужу, а в час и он заявился – пьяный в лоскуты. Ольга завелась, накричала на него, получила в лицо кулаком... Не для Алисы подобные сцены, она решила ретироваться:

– Я пойду...

– Куда ты пойдешь ночью? – ревела Ольга, не забывая сыпать оскорбления мужу: – Урод конченный! Я милицию вызову! Тебе там быстро мозги вправят!

Он не оставался в долгу, зверея:

– Заткнись! Еще слово... пасть порву... Милицию она вызовет! Вызывай! Я тебя выкину с балкона! Без парашюта!

А что между словами вставлялось – не повторить! Алиса попятилась к двери, а то и ей достанется:

– Да тут идти три шага... Извини, вы уж сами... Я побежала.

И рванула по лестнице вниз, забыв, что лифт есть. На улице Алиса кинула взгляд на окна Оли – там метались тени, видно, отношения выясняли при помощи кулаков. Бурная у людей жизнь, а она с Валеркой почти не ссорились.

Добиралась домой дворами, после дождей земля пропиталась водой, туфли вязли в грязи, в общем, хотела сократить путь, получилось наоборот. У дома, очистив от комьев грязи

обувь, Алиса заодно передохнула и вошла в подъезд. Поднимаясь на третий этаж, она думала, как сейчас рухнет на кровать и заснет, но, когда осталось пройти последний пролет, замерла.

Возле ее двери возился мужчина. Да нет, он пытался открыть квартиру! Непроизвольно у Алисы вырвалось:

– Вы кто?! Что вам нужно?

Он шарахнулся от двери, но не кинулся бежать, а застыл...

Тут-то Алису и накрыла паника. Его лицо почему-то было черным, оттого непередаваемо страшным, словно это сам черт стоял на площадке. Алиса не додумалась, что он надел маску или еще что, она видела ирреальное существо, способное уничтожить ее в считанные секунды. Стоило ему сделать к ней шаг, Алиса помчалась вниз, не сообразив поднять крик. Казалось, на улице будет безопасно, а в подъезде даже стены враждебны, помощи ждать неоткуда. Она слышала топот его ног сзади и сопение, не оглядывалась, чтобы не терять время, а он все равно настиг ее, просто прыгнул. Глухо вскрикнув, Алиса плашмя врезалась в стену между дверьми первого этажа, успев подставить ладони. Он придавил ее своим телом, одной рукой схватил за волосы и оттянул голову назад, его вторая рука попала на лицо, соскользнула, ведь Алиса вырывалась. Когда его пальцы обхватывали ее шею, она закричала, но не это спасло, а темнота. На первом этаже не было лампочки, поэтому напавший мужчина плохо коорди-

нировал свои действия, а также не видел, что ладонь Алисы ищет кнопку звонка. Как только раздался отчетливый и беспрерывный перелив, мужчина кинулся вон из подъезда, тогда как Алиса, почувствовавшая свободу, сползла по стене. Не хватало кислорода, будто побывала в безвоздушном пространстве, она глубоко вдыхала и выдыхала, только выдохнуть почему-то не получалось.

Дверь квартиры открылась, выглянула лысая голова...

У Никиты сон здоровый, соответственно крепкий, разбудить его нелегко, особенно по телефону. Но длительный трезвон все же долетел до спящего сознания. Не открывая глаз, Никита нащупал трубку, поднес к уху, не вымолвив ни слова.

– Ник! Ник, это я, Алиса. На меня напали!

Она так кричала в трубку, что волей-неволей расцепишь слипшиеся веки, правда, они тут же и смежились.

– Напали, – вымолвил он вяло, не соображая, кто звонит и с какими новостями. – И что?

– Ник, он... он душил меня!

– А ты?... – Вдруг его ударило: на Лису напали, душили!

Он резко сел, спустив ноги на пол. – Напали?! Кто?

– Не знаю... – всхлипывала Алиса. – Никита, он пытался открыть мою квартиру, а я шла от подруги... Мне так страшно...

– Ты где?

– Дома. А если он вернется?

– Запрись, я сейчас приеду.

Никита включил настольную лампу, привыкнув к свету, взглянул на часы и вытаращил глаза: два ночи! Хорошенькое дело! Значит, нападение произошло недавно, где же были телохранители Лисы? Ругая вслух Эдуарда Дмитриевича, который обязался обеспечить ей безопасность, Никита оделся, машинально прихватил пачку сигарет, а пистолет, прежде чем сунуть за пояс, проверил на боеготовность.

Домчался быстро, в подъезде вытащил пистолет, чтобы самому не оказаться беспомощным при встрече с бандитом. Маловероятно, что напавший на Лису тип обосновался в подъезде, но Никита поднимался по лестнице не спеша, слушая «колодец» и глядя вверх. Тихо, как в пустыне.

Едва он переступил порог, Алиса бросилась к нему с ревом, Никита обнял ее, не забыв захлопнуть дверь ногой.

– Ну, все, все, – гладил ее по вздрагивающей спине. – Я здесь, не бойся. Что случилось?

Сбивчиво, не отрываясь от Никиты, захлебываясь слезами, она коротко рассказала о нападении. И так дрожала при этом, что дрожь передалась и ему, но другого характера. Сначала непроизвольно, в качестве утешающего средства, он целовал ее в макушку и лоб, Алиса как будто этого вовсе не замечала, приподняв голову, заглянула ему в глаза:

– Ты обманул меня?

– Я? – сглотнув ком, произнес Никита. – Я не обманывал тебя...

Ему уже не важно было нападение на нее, оно позади и черт с ним, потом уточнит детали, обдумает – все потом, завтра. А сейчас он убрал с ее висков густые пряди рыжих волос, взял в ладони лицо. Губы коснулись мокрой щеки, затем второй, носа... Алиса опустила слипшиеся от слез ресницы, замерла, перестав дрожать, казалось, и не дышала. Но ее пересохшие губы приоткрылись, чуть слышно, с недоумением, которое явно не относилось к нападению, выговорили:

– Как же... как же он... очутился здесь? Ты говорил... их взяли...

– Взяли, – шепотом заверил Никита.

И сказал себе – можно. В такие моменты не думается о будущем, что однажды пожалеешь о содеянном, захочется вернуть все на прежние места, но станет неловко делать резкий поворот на сто восемьдесят градусов. В этом случае подсознание начнет искать другие способы освобождения от пут совести, не всегда пристойные, отчего в душе поселится отвращение к себе же. Но есть здесь и сейчас, есть хочу и буду, а эти стихии не распространяются на то, что будет потом. Алиса не оттолкнула его.

В ее волосах проказничало солнце, стоило чуть приподнять голову, как золотистые блики передвигались, загораясь на других прядях. Солнце и разбудило Никиту, нахально ворвавшись в окно без штор, Лиса спала, не ощущая ни беспощадных лучей на теле, ни пожара в волосах. Он понял, поче-

му Валерка балдел от нее: ему нравилась ее беспомощность, нравилась незащищенность. Нельзя сказать, что и в постели Лиса беспомощна, но льнула к Никите, будто маленькая девочка, нуждающаяся в силе и ждущая от мужчины бережного отношения к себе.

М-да... Валерка. Его нет всего ничего, а жена и друг на кровати, на его кровати. Если верить учениям о боге, то душа Валерки где-то неподалеку летает, интересно, что она чувствует и чувствует ли? Ну, то, что ей не по нраву свершившийся факт – понятно. Почему же она не помешала? Значит, ничего ирреального не существует? Жаль, ибо некому сдерживать измененную человеческую природу от безумств.

– Ты не спишь? – пролепетала Алиса. – Который час?

– Восемь.

– Так рано?

Солнце золотилось и в пушистых ресницах, Алиса их приподняла – и в горчичных глазах оно искрилось, но грустно, видимо, они еще не до конца проснулись. Никита завернулся в плед и, переступая через картонные коробки, отправился в душ.

Под потоком воды просветлели мысли, вернее, стали более конкретными и практичными. Надо определиться, Лиса не игрушка, а он не готов пообещать ей рай земной с собой в придачу. Как выяснилось, Никита стопроцентный эгоист, его волнует лишь сиюминутность и то, что требует природа.

А поскольку не проходило ощущение дискомфорта (вероятно, Валеркина кровать повлияла на утреннее настроение), он принял самое разумное решение – пусть идет как идет, там видно будет. Но не обязательно данную тактику высказывать второй стороне, которая ждет (наверняка ждет) от него других поступков, других слов.

Завтракали молча. Нет, переспали, а утром как будто и сказать нечего друг другу! Никита понимал, что сказать надо бы ему, да постельная тема с перспективами на будущее его не вдохновляла, он обошел ее:

– Значит, вчерашний тип открывал твою квартиру?

– Угу, – сказала Алиса, подкладывая ему мяса.

– Так это домушник, – уверенно заявил он, разумеется, сам так не думал. – То есть грабитель, специализирующийся на чистке квартир.

– А почему он меня душил?

– Ты свидетельница...

– Я не могла стать свидетельницей, потому что не видела его лица. Он был в маске... или чулок натянул, точно не помню.

– Лиса, он действовал интуитивно: раз ты его застучала, могла поднять крик, ему надо было себя спасти.

– А почему он выбрал мою квартиру? Разве не видно, что здесь нечем поживиться?

– Он понял, что квартира пустая, домушники это умеют определять, – возразил Никита, улыбаясь. – А поживиться

всегда есть чем. Не бойся, больше он не придет, грабители в одно место два раза не ходят – примета плохая. Ну, я побежал?

Главное, вовремя слинять под дешевым предложением – तो-роплюсь. Он был уже в коридоре, как вдруг услышал робкий голос:

– Никита...

– Да? – Он вернулся, задержавшись в дверях.

Алиса все так же сидела за столом, не смотрела на него, уставилась в окно и произнесла, кусая губы:

– Я хотела сказать... то, что случилось между нами... ничего не значит. Ты свободен от обязательств передо мной. Ты ничего мне не должен.

Это пощечина. Словесная, но пощечина. Лиса тонко уловила, какие в нем кипят страстишки. Почему бы смело не сказать, мол, сам не знаю, что на меня нашло, и нужно ли мне это, не разобрался, дай мне время? Не-а, не скажет. И дураку ясно – почему. Но пронизательность Лисы задела за живое, в ее глазах он не желал выглядеть негодяем, однако истинно негодяйским способом перевел стрелки, якобы уточняя:

– Для тебя не значит?

– Для тебя. Иди.

Вот как! Она его не закабаляла, в сущности – отпускала, одновременно заковывала в цепи, не давая уйти. Сознательно или потому что такая: непосредственная, чувствительная, проникновенная? Наверное, она мудрая, а он типичная сво-

лочь. Подгадал момент, когда ей было плохо, и затащил в постель, чему не воспрепятствовал дух Валерки, теперь сомнениями обставился. Нехорошо. И нельзя оставлять ее в состоянии разочарования. Никита подошел к ней, заставил встать, прижал к груди, искренне сказав:

– Значит, Лиса, значит. Еще когда был жив Валерка, значило. Не думай обо мне плохо. Просто у меня характер скверный, а вообще-то я ничего, честно.

Ну вот, она уже улыбалась, а он целовал ее губы. Много ли женщине надо? Пара слов, нежный взгляд, поцелуй...

– Ты придешь сегодня? – спросила Алиса между поцелуями.

– Конечно. Ты посиди пока дома.

– Я и так сижу. У меня же ремонт.

– Ремонт – штука нужная. Кстати, если что-нибудь найдешь непонятное, ну, от Валерки осталось, не выбрасывай, мне отдай. До вечера.

На улице, идя к машине, Никита утер лоб тыльной стороной ладони – ух, нелегко! Жизнь одна, соблазнов много, за все приходится платить, а за глупость – так непременно и вдвойне.

Эдуард Дмитриевич недобро косился на опера, а тот краснел и бледнел, оправдываясь:

– Она же всегда возвращалась домой, к половине одиннадцатого уже в квартире была, а тут смотрю – первый час. Я подумал, ночевать осталась, чего ж зря торчать? Позво-

нил Алимову, он должен был меня сменить, сказал ему, чтобы утром подъехал к семи... По моим расчетам, в это время Алиса проснулась бы, значит, Алимов не упустил бы ее... Адрес назвал...

Эдуард Дмитриевич по натуре крикун, и лучше бы он кричал да кулаками по столу бил, чем спокойно процедил, уничтожая взглядом парня:

– Ты хоть понимаешь, что благодаря тебе мы упустили преступника? А он, возможно, привел бы нас к убийце Валеры Хвалюна.

– Понимаю, – развел тот руками. – Извините, виноват.

– Свободен. Потом с тобой разберемся.

Опер попятился, открыл дверь на ощупь и задом выскользнул в нее. Лицо Эдуарда Дмитриевича перекошилось, гримаса получилась мрачная и комичная, Никита еле сдержался, чтобы не прыснуть, но собрался и сказал:

– Ну? Я был прав?

– Прав, прав, – вздохнул тот. – Итак, он открывал квартиру... Неспроста это, ему что-то нужно было забрать...

– Или подождать Лису, – дополнил Никита.

– Подождать можно и на улице, – отмахнулся Эдуард Дмитриевич. – Нет, он пришел что-то найти и забрать, а тут Алиса неожиданно подросла, решил и ее заодно кончить.

– Я пересматривал вещи Валерки, бумаги, а у себя дома все диски с аудиокассетами проштудировал.

– Результат?

– Был бы результат, вы о нем знали бы. Вот что надо учесть... Я, конечно, могу ошибаться, но мне думается, в квартиру Лисы пытался проникнуть не профессионал убийца. Будь он киллер, задушил бы ее, обстоятельства были на его стороне. А он растерялся и, вероятно, волновался, поэтому не сразу схватил Лису за горло и не понял, что она ищет кнопку звонка. Не-не, это был не профи.

– Может быть, может быть...

– Бомжей опрашивали?

– Одного только поймали, остальные разбежались.

– Вернутся, – обнадежил Никита. – Зимой они ищут теплые места, а летом сытные. Дмитрич, а что по старушке?

– Подсуропил ты нам старушку, – упрекнул его Эдуард Дмитриевич.

– А что такое? – насторожился Никита.

– Отравили твою старушку.

Никто не выскочил на грохот, не заорал на всю ивановскую, не разбудил народ. Отдышавшись, потрогав ребра и убедившись, что они целы, Никита прислушался к квартире, там стояла сонная тишина. А свет? Ну и что, многие спят и при электрическом освещении, хорошо бы так. Еще он не представлял, сколько человек внутри, не хотелось бы пугать домочадцев. Опять поиск рационального решения, опять сомнения... К чертовой бабушке их вместе с домочадцами. Спокойствие и хладнокровие, только так. И никого не

жалеть.

Никита перелез на балкон, заглянул внутрь. Как будто никого...

Он перебежал на другой конец балкона, осмотрел комнату с этой стороны, тоже никого. А двойная дверь чуточку приоткрыта, так ведь не зима. Он осторожно начал раскрывать ее шире, стараясь погасить скрип, а также не допустить ударов дверей друг о друга. Теперь можно войти...

– Отравили?!

Лола, бесспорно, женщина-сталь, но все равно женщина, как бы она ни старалась выкорчевать из себя слабости, в том числе и невозмутимость. Новость ненадолго лишила ее дара речи, Лола замерла, бессмысленно глядя в пространство, только пальцами нервно мяла сигарету, пока не сломала. Теперь она совсем заморозилась, тогда как Никита подтвердил, обходя офисный кабинет:

– Отравили. Коньяком. Я еще подумал, когда увидел бутылку на столе: слишком дорогое удовольствие для пенсионерки. Отсюда можно предположить, что коньяк ей подарили, она отведала питья, почувствовала себя неважно, прилегла и упокоилась.

– Но кому надо травить ее?

– Кому выгодна смерть Катерины Гавриловны. В первую очередь под подозрение подпадают дочь и зять...

– Вы с ума сошли, – вставила Лола.

– Мой ум в отличной форме. Убийства родственников – явление не единичное, как правило, они все раскрываются. Таким образом детишки освобождаются от надоевшей опеки или надеются получить наследство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.